SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Л. К. Давыдова
  -
  - Несколько вступительных слов
  - Глава I.
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Л. К. Давыдова
Джордж Элиот. Ее жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк Л. К. Давыдовой

С портретом Джордж Элиот, гравированным в Лейпциге Геданом

Несколько вступительных слов

Жизнь Джордж Элиот не богата внешними событиями. Говорят, что счастливые народы не имеют истории, или, вернее, что их история неинтересна, а Джордж Элиот большую часть своей жизни была очень счастлива. Однообразие ее жизни, почти исключительно наполненной духовными, умственными интересами, особенно рельефно выступит перед нами, если мы сравним ее с жизнью другой знаменитой писательницы, Жорж Санд. Судьба Жорж Санд могла бы доставить обильный материал не для одного, но для нескольких романов: ей пришлось пережить все страдания неудачной семейной жизни и разрыва с мужем, у нее были многочисленные романические увлечения, и, наконец, она принимала довольно деятельное участие в политической жизни Франции, даже во время революции 1848 года редактировала одну социалистическую газету. У нее бывали периоды опьяняющего счастья, сменявшиеся периодами острого страдания и душевной пустоты, у Джордж Элиот не было ничего подобного: течение ее жизни было гораздо ровнее и спокойнее. Но если смотреть на жизнь не с точки зрения внешних событий, а со стороны ее внутреннего содержания, то нельзя будет не признать, что, несмотря на видимое однообразие, жизнь ее была чрезвычайно интересна и могла бы послужить прекрасной темой для психологического этюда.

Самой характерной чертой Джордж Элиот как личности является ее удивительная серьезность. В дни ранней молодости, живя на ферме отца, будучи впоследствии одним из соредакторов «Westminster Review» в Лондоне и, наконец, сделавшись знаменитой писательницей, она поражает нас своим удивительно серьезным и глубоким отношением к жизни и к людям, своим жадным стремлением к знанию. Религиозные и философские вопросы были для нее не просто интересной пищей для ума: они волновали и мучили ее, она принимала их к сердцу так, как другие обыкновенно принимают к сердцу вопросы личной жизни. Чтение Штрауса, Спинозы или Конта было для нее целым событием.

Но, несмотря на свою страстную любовь к знанию и любовь к занятиям, Джордж Элиот совершенно не была тем, что обыкновенно называют «книжный человек». Она была очень привязчива и умела любить, что доказывается уже тем, что у нее было так много друзей, в особенности среди женщин. Письма ее к своим друзьям (например, миссис Конгрэв, мисс Геннель), писанные в то время, когда она уже достигла славы, дышат такой

теплотой, такой искренностью и простотой, она так входит во все мелочные подробности их жизни и так ценит всякое проявление их симпатии к себе, что иногда трудно поверить, что это пишет знаменитая писательница к самым обыкновенным, незначительным людям. В ней не было и тени тщеславия или высокомерия. Она была очень добра и, помимо того интереса, который внушали ей люди как материал для психологических наблюдений, всегда принимала душевное участие в их судьбе; вследствие этого, по общему отзыву всех, знавших ее, общение с ней было так необыкновенно привлекательно. Говорят, что она удивительно умела успокоить, ободрить и утешить всякого, кто к ней обращался. Она была вполне хорошим человеком, и это чувствуется и в ее сочинениях. При всем внешнем однообразии и монотонности жизнь ее была полна самых разнообразных духовных интересов: наука, литература, музыка, живопись – все это составляло для нее предмет величайших наслаждений. Она страстно любила природу и, гуляя одна где-нибудь в поле или даже в уединенных аллеях лондонского парка, переживала такие чудные минуты, какие доступны лишь очень немногим.

Приведем один очень точно характеризующий Джордж Элиот рассказ большой ее приятельницы, миссис Бодишан. Когда умер Льюис, она отправилась через некоторое время навестить Джордж Элиот, которой было тогда уже 60 лет и которая была страшно огорчена смертью любимого человека. Вот как она описывает свое впечатление от этого визита: «Я провела час с Мэри Анн, – пишет она в одном письме, – и не могу передать вам, до чего она была мила. Я совсем успокоилась насчет нее, хотя она страшно исхудала и выглядит какой-то тенью в своем длинном черном платье. Она говорила, что у нее страшно много дел и что она должна быть здоровой, потому что „жизнь так удивительно интересна“. Мы обе признались друг другу в нашей большой любви к жизни».

Эта-то любовь к жизни, сквозящая в каждой строчке ее произведений, и составляет главную причину того отрадного, примиряющего впечатления, которое оставляют в душе читателя все романы этой великой писательницы.

Глава I.

Детство и первая молодость.

Мэри Анн Эванс, сделавшаяся впоследствии известной под именем Джордж Элиот, родилась в небольшом местечке Грифф, в Варвикшире. Отец ее, Роберт Эванс, происходил из бедной семьи и начал жизнь простым плотником; потом своим трудом и энергией он достиг того, что стал зажиточным фермером, пользующимся общим уважением соседей за свои обширные и разнообразные сведения по сельскому хозяйству. Это был мужественный, честный человек, который послужил впоследствии прототипом героя лучшего из романов своей дочери – «Адам Бид». Мать ее была очень добрая женщина, чрезвычайно любившая своих детей и мужа, и прекрасная хозяйка. В этой патриархальной, трудолюбивой семье, всецело погруженной в ежедневные хозяйственные заботы, росла и развивалась будущая писательница, и лучшие, наиболее художественные произведения ее, такие как «Адам Бид», «Мельница на Флоссе», «Сайлес Марнер», посвящены описанию этой, с детства знакомой ей, жизни английской деревни.

Кроме Мэри Анн у Эвансов было еще двое детей: дочь Кристина и сын Исаак. Кристина была гораздо старше сестры и держалась в стороне от младших детей, которые были необыкновенно дружны между собой.

Маленькая Мэри Анн совсем не была похожа на «феноменального ребенка»: это была живая, шаловливая девочка, не любившая сидеть на одном месте и всегда готовая на всякие проказы. Ей трудно было даже выучиться читать и писать, что, впрочем, происходило не от неспособности, а от ее чрезвычайной живости. Уже и в эти ранние годы в ней проявилась одна характерная черта, сохранившаяся в течение всей ее последующей жизни; говорю о ее необыкновенной привязчивости и страстном, ревнивом отношении к предмету своей привязанности. В детстве таким предметом был ее брат Исаак: описание Мэпи и Тома в «Мельнице на Флоссе» заключает в себе много автобиографических подробностей. Девочка всегда, как праздника, ждала возвращения брата из школы по субботам, и, когда он приходил, она уже ни на шаг не отставала от него и старалась во всем подражать ему. Детям было раздолье на ферме с ее большим фруктовым садом, за которым протекала речка, изобиловавшая рыбой. Рыбная ловля была одним из любимых занятий маленькой Мэри Анн и ее брата.

Когда Мэри Анн было около восьми лет, в ее детской жизни

произошел тяжелый кризис: брату ее подарили пони, и он так увлекся этой новой забавой, что стал пренебрежительно относиться к сестре и почти все свободное время посвящал своей лошадке. Холодность брата ужасно огорчала девочку и заставила ее уходить в себя. Вообще, по мере того как она становилась старше, характер ее менялся, и она делалась все задумчивее и серьезнее. Когда к отцу приходили по делам или вообще на ферме собирались гости, она обыкновенно забиралась куда-нибудь в угол и целыми часами неподвижно просиживала там, внимательно слушая, о чем разговаривают взрослые. Сама она пишет про себя впоследствии в письме к мисс Левис (1839): «Когда я была еще совсем маленьким ребенком, я никак не могла удовлетвориться тем, что происходит вокруг меня, и постоянно жила в каком-то особенном мире, созданном моим воображением. Я даже радовалась, что у меня не было никаких товарищей, так что на свободе могла предаваться своим мечтам и выдумывать всевозможные истории, в которых была главным действующим лицом. Можете себе представить, какую пищу доставляли таким мечтам разные романы, рано попавшие в мои руки».

К чтению она пристрастилась очень рано, но дома у нее было мало книг, и она от частого перечитывания все их знала почти наизусть. Любимыми книгами ее были басни Эзопа и «История чёрта» Дефо. Поступив же в пансион к мисс Велингтон в Ньюжантоне, она с жадностью набросилась на чтение и читала все, что ей попадалось в руки.

Одна из воспитательниц пансиона, мисс Левис, очень полюбила Мэри Анн; хорошие отношения между ними сохранились и по выходе девочки из пансиона, так что они часто переписывались. Она была очень религиозна и передала это чувство своей любимой ученице.

Мэри Анн училась очень хорошо, и когда она из Ньюжантонского пансиона перешла в пансион мисс Франклин в ближайшем городе Ковентри, то сделалась положительно предметом гордости своих учителей. Особенно хорошо она писала сочинения и занималась музыкой. Не по годам развитая, серьезная, молчаливая девочка держалась в стороне от подруг и ни с кем из них не сходилась. Подруги с невольным уважением относились к ней, сознавая, что она стоит гораздо выше их по уму и знаниям, но не любили ее, считали сухой и скучной. Одна из этих бывших подруг рассказывает, что весь класс был однажды чрезвычайно поражен, когда случайно узнал, что эта самая Мэри Анн Эванс, казавшаяся им такой холодной и недоступной, пишет сентиментальные стишки, в которых жалуется на одиночество, на неудовлетворенную жажду любви и так далее. Наружностью своей

Мэри Анн отличалась от подруг так же, как и своими способностями и развитием. Она казалась гораздо старше своего возраста и в 12—13 лет выглядела настоящей маленькой женщиной. Рассказывают, что один господин, приехавший в пансион по какому-то делу, принял тринадцатилетнюю девочку за некую мисс Франклин, которая в то время была уже весьма почтенной старой девой.

Возвращаясь на праздники домой, Мэри Анн уже не предавалась, как прежде, разным детским шалостям и играм. Все это давно перестало занимать ее, и она тут, как и в школе, просиживала за книжкой целые дни и даже ночи, к большому неудовольствию своей матери, хозяйственное сердце которой не могло примириться с тем, что дочь ее тратит так много свечей, сидя за своими книгами. Впрочем, родители очень гордились своей умной и ученой дочерью, и ее успехи в пансионе были для них большой радостью. Они не жалели денег на ее образование и предоставляли ей полную свободу заниматься и читать сколько ей угодно. Девочка устроила воскресную школу на ферме отца и занималась там с крестьянскими детьми.

В 1855 году она закончила свое образование и вернулась домой, где ей пришлось всецело посвятить себя уходу за больной матерью, здоровье которой все ухудшалось. Летом этого же года мать умерла, а спустя некоторое время после смерти матери старшая дочь мистера Эванса вышла замуж, так что семнадцатилетняя Мэри Анн осталась единственной хозяйкой в доме отца.

Джордж Элиот была очень нехороша собой. «Небольшая, худенькая фигурка, с несоразмерно большой головой, болезненный цвет лица, довольно правильный, но несколько массивный для женского лица нос и большой рот с выдающимися вперед „английскими“ зубами», – описывает ее в своих воспоминаниях покойная Ковалевская, преподававшая математику в Стокгольмском университете и познакомившаяся с ней во время своего пребывания в Лондоне. Правда, Ковалевская прибавляет, что неприятное впечатление, производимое внешностью Джордж Элиот, исчезало, как только она начинала говорить, – такой у нее был чарующий голос и так обаятельна была вся ее личность. Она приводит далее слова Тургенева, этого известного ценителя и поклонника женской красоты, который говорил про Джордж Элиот: «Я знаю, что она дурна собой, но когда я с ней, я этого не вижу». Тургенев говорил также, что Джордж Элиот первой заставила его понять, что можно до безумия влюбиться в совершенно некрасивую женщину.[1] Но дело в том, что и Тургенев, и Ковалевская познакомились с Мэри

Анн в то время, когда она была уже на вершине своей литературной славы. Знаменитой писательнице все охотно прощали и болезненную худобу, и старообразный вид, и некрасивые черты лица и, несмотря на все это, находили ее обворожительной; но такого отношения, конечно, не было к дочери простого фермера, ничем еще себя не заявившей и отличавшейся только некрасивой наружностью и любовью к серьезным занятиям. Надо думать, что мужчины, с которыми ей приходилось сталкиваться в дни своей молодости, не разделяли восторженного мнения Тургенева о ее женской привлекательности. Элемент ухаживаний и влюбленности, играющий такую важную роль в жизни женщины, почти совсем отсутствовал в ее жизни – и это обстоятельство, разумеется, повлияло на становление ее характера.

Вернувшись из пансиона домой, мисс Эванс была вся проникнута евангелическими идеями, навеянными учительницей мисс Левис, и, поглощенная мыслями о Боге и спасении души, старалась подчинить жизнь аскетическим религиозным принципам. Будучи впервые в Лондоне с братом, она ни разу не была в театре, считая это грехом, и большую часть времени проводила в посещении лондонских церквей. В это первое пребывание в Лондоне самое сильное впечатление на нее произвел Гринвичский госпиталь и звон колоколов в церкви Св. Павла. У себя в деревне она вела очень деятельную жизнь, заведуя всем домашним хозяйством на ферме, и, хотя это занятие было ей совсем не по душе, она, тем не менее, добросовестно исполняла все свои домашние обязанности и была отличной хозяйкой. Особенно много времени и труда у нее отнимало молочное хозяйство, и впоследствии, уже сделавшись знаменитой писательницей, Джордж Элиот с некоторой гордостью показывала одному из своих друзей, что одна из ее рук несколько шире другой, что было следствием усиленного сбивания масла, которым она занималась в молодости.

Она постоянно работала над своим образованием, продолжала изучать немецкий и итальянский языки и часть своего времени посвящала также филантропии. Но все это, конечно, не могло удовлетворить молодую девушку, полную жажды знания и умственных запросов, так что одинокая жизнь в заброшенной, отдаленной деревне казалась ей подчас нестерпимо скучной и однообразной. С братом она давно уже разошлась, их детская дружба сменилась простыми хорошими отношениями, основанными на родственной связи, а не на общности духовных интересов. Брат ее был человек совсем другого склада – дельный, практичный хозяин, любящий охоту, всякого рода спорт и вполне

довольствующийся обществом соседних фермеров. Он не понимал интересов и стремлений сестры и посмеивался над ее религиозными увлечениями. Особенно нападал он на ее постоянное сидение за книгами и пренебрежительное отношение к своей внешности. По его мнению, она была совсем не такой, какой должна быть молодая девушка в ее годы. Сама она говорила про себя впоследствии: «Я имела тогда вид какой-то совы, что составляло обычный предмет негодования для моего брата». Отца она очень любила, но понятно, что старик фермер, проведший всю свою жизнь в деревне, не мог быть настоящим товарищем для молодой девушки, изучающей классические языки и мучительно задумывающейся над вопросами о Боге и цели мироздания. Единственным человеком, которому мисс Эванс могла изливать свою душу, была ее бывшая учительница, мисс Левис, и по письмам к ней мы можем составить себе понятие о тогдашнем настроении молодой девушки. Из этих писем видно, что она усердно работала над своим образованием и занималась самыми разнообразными предметами; в них упоминается об истории, литературе, изучении латинских глаголов, о химии и энтомологии и, наконец, даже о философии. Но так как ее тогда интересовали главным образом вопросы религии, то она с особенным увлечением читала религиозные книги, например «Мысли» Паскаля, письма Ганны Мор, жизнеописание Умберфилда, «Подражание Христу» Фомы Кемпийского и другие. Глубокая вера в Бога и работа над своим нравственным совершенствованием – вот что составляло главное содержание ее духовной жизни в это время. Она была из тех глубоких, сосредоточенных в себе натур, в которых живет постоянное стремление к чему-то великому и вечному, лежащему за пределами явлений обыденной жизни, и в ранней молодости это мистическое стремление к бесконечности находило себе полное удовлетворение в религии.

«О, если бы мы могли жить только для вечности, если бы мы могли осуществить ее близость, – пишет она мисс Левис. – Чудное, ясное небо, распростертое надо мною, возбуждает во мне какое-то невыразимое чувство восторга и стремление к высшему совершенству». Многие из ее писем дышат таким же восторженным, доходящим до экстаза религиозным настроением; она решила навсегда отказаться от личного счастья и посвятить свою жизнь осуществлению христианского идеала. Так, например, она пишет мисс Левис: «Когда я слышу, что люди женятся и выходят замуж, я всегда с сожалением думаю о том, что они увеличивают число своих земных привязанностей, которые настолько сильны, что отвлекают их от мыслей о вечности и о

Боге, и в то же время настолько бессильны сами по себе, что могут быть разрушены малейшим дуновением ветра. Вы, вероятно, скажете, что мне остается только поселиться в бочке, чтобы сделаться настоящим Диогеном в юбке, но это неверно, потому что хотя у меня и бывают иногда человеконенавистнические мысли, но на самом деле я совсем не сочувствую мизантропам. Тем не менее, я все-таки думаю, что самые счастливые люди – это те, которые не рассчитывают на земное счастье и смотрят на жизнь как на паломничество, призывающее к борьбе и лишениям, а не к удовольствиям и покою. Я не отрицаю, есть люди, которые пользуются всеми земными радостями и в то же время живут в полном единении с Богом, но лично для меня это совершенно неосуществимо. Я нахожу, что, как говорит доктор Джонсон относительно вина, полное воздержание легче умеренности».

Религиозное настроение молодой девушки вылилось в ее первом литературном произведении – стихотворении, задуманном во время ее одиноких прогулок по лесам, окружающим ферму отца. В этом стихотворении она, как бы чувствуя близость смерти, прощается с тем, что ей было всего дороже на земле – с природой и со своими книгами, – и с радостью готовится к переходу в другую жизнь. Стихотворение было напечатано в духовном журнале «Christian Observer» и вслед за тем мисс Эванс в течение 17 лет ничего больше не писала по части изящной литературы. Но, несмотря на серьезный склад характера мисс Эванс и ее искреннее проникновение христианскими принципами, молодость все-таки брала свое, и мы видим, что аскетическое отречение от жизни и ее радостей не так-то легко ей давалось. Во многих письмах к мисс Левис и к своей тетке (методистской проповеднице, послужившей ей потом образцом при создании типа Дины Морис в «Адаме Биде») она скорбит о том, что разные «суетные наклонности» мешают ей вполне предаться исполнению своего долга, что «главный враг ее – это ее воображение». Кроме того, ее порой очень тяготило однообразие деревенской жизни и постоянное одиночество, в котором она находилась. «Последнее время я как-то особенно живо чувствую, что я одна на свете… – пишет она мисс Левис. – У меня нет никого, кто входил бы в мои радости и горести, кому я могла бы излить всю свою душу, кто жил бы теми же интересами, что я».

Глава II

Переезд в Ковентри. – Новая жизнь и новые люди. – Перевод Штрауса. – Смерть отца. – Женева. – Лондонская жизнь. – Сотрудничество в «Westminster Review». – Сближение с Льюисом.

Мисс Эванс было около 21 года, когда брат ее женился, а отец, сдав ему ферму, переехал с дочерью в соседний город Ковентри. Переход от уединенной сельской жизни к городской имел большое влияние на молодую девушку. Здесь она познакомилась с кружком интеллигентных людей, с которыми очень сошлась; благодаря им ей пришлось столкнуться с совершенно новыми для нее идеями и взглядами, произведшими целый переворот в ее мировоззрении. Кружок ее новых знакомых состоял из местного фабриканта мистера Брэя, человека очень умного и начитанного, занимавшегося в свободное от дел время философией и френологией, и семьи его жены – ее сестры, мисс Сары Геннель, сделавшейся потом самым близким другом мисс Эванс, и брата ее, мистера Чарлза Геннеля, автора известного в свое время сочинения «О происхождении христианства», в котором он приходит к тем же выводам, как Штраус в своей «Жизни Христа». Все это были люди, интересующиеся наукой и литературой и следящие за умственной жизнью своего времени. У них бывали многие из выдающихся писателей и деятелей, например историк Фрауд, Эмерсон, Роберт Оуэн.

Это знакомство открыло целый новый мир для Мэри Анн. В скором времени она близко сошлась с самим мистером Брэем и его семьей; они часто виделись, вместе читали, изучали языки, занимались музыкой, говорили и спорили о всевозможных предметах, и под влиянием такого частого общения с людьми другого образа мыслей у нее начали появляться сомнения в непоколебимости религиозных догматов. Особенно сильно подействовала на нее в этом отношении уже упомянутая выше книга мистера Чарлза Геннеля «О происхождении христианства». Она пишет к мисс Левис: «Последние дни я вся погружена в самое интересное из всех исследований на свете, и к какому результату оно приведет меня, я еще не знаю: может быть, к такому, который поразит Вас… Надеюсь, что разлука не повлияет на нашу дружбу, если только Вы не захотите отвернуться от меня вследствие перемены в моих взглядах».

Переворот, происшедший в религиозных взглядах мисс Эванс, отразился на ее жизни прежде всего тем, что она перестала ходить в церковь. Ее цельная, искренняя натура всегда заставляла

ее стремиться согласовывать свои убеждения с жизнью. Как прежде она была вся поглощена мыслями о Боге и отказывалась от всех удовольствий, чтобы не нарушать своего религиозного настроения, так и теперь, когда взгляды ее переменились, она не хотела лицемерить и исполнять внешние обряды религии. Это повело к крупной размолвке с отцом, который был человеком старого закала, глубоко верующим и не мог равнодушно перенести такого вольнодумства в дочери. Отношения между ними до такой степени обострились, что мистер Эванс поручил уже своему поверенному приискивать других жильцов для их заново отделанного домика в Ковентри, а сам хотел переехать жить к своей старшей замужней дочери. Мэри Анн предполагала жить своим трудом и уже приискала себе место учительницы в женском пансионе в Лимингтоне, но благодаря вмешательству их друзей и мистера Исаака Эванса старик решился помириться с дочерью и все осталось по-прежнему. Джордж Элиот говорила впоследствии своему второму мужу, мистеру Кроссу, что ни один эпизод в ее жизни не оставил после себя столько мучительных воспоминаний и раскаяния, как эта ссора с отцом. По существу она считала себя правой, но полагала, что при большей кротости и уступчивости с ее стороны можно было бы значительно смягчить это столкновение.

Когда жизнь опять вошла в свою колею, молодая девушка с удвоенной энергией принялась за занятия. С переездом в город у нее оказалось много свободного времени, потому что здесь на ней не лежало заботы о хозяйстве, как в деревне. Кроме того, здесь было гораздо удобнее доставать книги, и рядом с ней были люди, всегда готовые оказать всяческую поддержку ее занятиям. Она занималась не по-дилетантски, для приятного времяпрепровождения: учение было для нее тогда главным делом в жизни, и благодаря упорному и долгому труду она достигла того, что могла стоять на одном уровне с самыми образованными и даже учеными людьми своего времени.

После перемены, происшедшей в ее миросозерцании, она с особенным увлечением принялась за изучение философии. В письмах ее, относящихся к этому периоду, нет ничего, указывающего на страдания, обыкновенно сопровождающие такие сильные душевные кризисы, как переход от веры к неверию. Напротив, все ее письма дышат необыкновенной бодростью и восторженной готовностью работать на новом пути. Перемена ее религиозных убеждений нисколько не повлияла на саму сущность ее миросозерцания: оставшись «без догмата», она сохранила все свои прежние взгляды на нравственные задачи и стремления человека. Она пишет к миссис Пирс (сестре мистера Брэя): "…Я

ничего так страстно не желаю, как принять хоть какое-нибудь участие в крестовом походе для освобождения истины. Хотя теперь поступки мои уже не находятся в зависимости ни от страха вечной муки, ни от надежды на вечное блаженство, я все-таки продолжаю глубоко верить, что единственное возможное счастье заключается в подчинении своей воли Высшему началу, в постоянном стремлении к идеалу».

Первые годы жизни в Ковентри были очень счастливым временем для мисс Эванс. После однообразной жизни в деревне она совершенно ожила, попав в интеллигентный кружок мистера Брэя. Сбросив с себя свой прежний аскетизм, она с увлечением предается тем самым «суетным» удовольствиям, которые прежде так решительно отрицала, и, отправившись на время в Лондон со своими друзьями, с большим рвением посещает театры и концерты, осматривает картинные галереи и прочие достопримечательности. В письме к мисс Саре Геннель она пишет: «Надеюсь, что Вы, так же как и я, наслаждаетесь чудной весенней погодой! Как много времени нужно для того, чтобы выучиться быть счастливой! Я начинаю теперь делать некоторые успехи в этой области и надеюсь на себе доказать несправедливость теории Юнга, утверждающего, что, как только мы находим ключ от жизни, он отворяет нам ворота смерти. Я никогда не поверю, чтобы молодость была самым счастливым временем в жизни. Что за мрачная перспектива для прогресса наций и развития личностей, если наиболее зрелый и просвещенный возраст считается наименее счастливым! Детство хорошо только в романах и в воспоминаниях. Для самого ребенка оно полно глубоких огорчений, значение которых непонятно для взрослых. Все это показывает, что теперь мы счастливее, чем когда нам было семь лет, а когда нам будет сорок лет, мы будем счастливее, чем теперь. Это очень успокоительная доктрина, которая стоит того, чтобы в нее поверить».

По странному стечению обстоятельств, по отношению к самой Джордж Элиот эта успокоительная доктрина действительно оказалась справедливой: счастье любви, творчество и слава – все это неожиданно нахлынуло на нее как раз когда ей было около сорока лет.

В 1844 году мисс Эванс принялась за свою первую литературную работу – перевод «Жизни Христа» Штрауса. Перевод этот стоил ей многих трудов: она работала над ним почти три года и сама признавалась впоследствии, что ни на один из своих романов она не потратила столько трудов и усилий, как на этот перевод. Она очень добросовестно относилась к своей задаче и даже выучилась древнееврейскому языку, чтобы иметь

возможность проверить все приводимые у Штрауса цитаты. Греческим и латинским языками она к тому времени владела уже довольно свободно. Под конец перевод несколько утомил ее; в письмах ее часто попадаются жалобы на эту отупляющую работу, на то, что «она больна Штраусом», и так далее.

Но тем не менее, когда перевод был закончен и сдан мистеру Чапману (будущему издателю «Westminster Review»), она вскоре снова принялась за переводную работу – «Сущность христианства» Фейербаха, которая тоже была издана Чапманом, и за сочинения Спинозы. Вообще, Мэри Анн, очевидно, собиралась познакомить английскую публику с целым рядом переводов классических сочинений по философии.

Но, погружаясь в глубины отвлеченного философского мышления, мисс Эванс в то же время была далеко не чужда тех вопросов, которые волновали ее современников. Она была восторженной поклонницей Жорж Санд и зачитывалась ее романами, хотя и не разделяла ее взглядов на любовь и семью. Она увлекалась также сочинениями Руссо и новейших французских социалистов. Когда на Западе разгорелась революция 1848 года, мисс Эванс со страстным вниманием следила за всеми перипетиями этой великой борьбы, и в письмах ее встречается много горячих прочувствованных слов по поводу революции. Так, она пишет мистеру Джону Сибри: «Ужасно рада, что Вы такого же мнения, как и я, о великой нации и ее деяниях. Ваш энтузиазм меня тем более радует, что я совсем не ожидала его. Я думала, что в Вас нет революционного огня, но теперь вижу, что Вы совершенно достаточно „sans cullotisch“ и не принадлежите к числу мудрецов, у которых разум настолько господствует над чувством, что они даже не в состоянии радоваться этому великому событию, так далеко выходящему за пределы повседневной жизни… Я думала, что мы переживаем теперь такие тяжелые дни, когда немыслимо никакое великое народное движение и что, по выражению Сен-Симона, наступил „критический“ исторический период, но теперь я начинаю гордиться нашим временем. Я бы с радостью отдала несколько лет жизни, чтобы быть теперь там и посмотреть на людей баррикады, преклоняющихся перед образом Христа, который первый научил людей братству». «Бедный Луи Блан! – пишет она позднее мистеру Брэю. – Газеты повергают меня в страшное уныние. Впрочем, да будет мне стыдно за то, что я называю его бедным! Настанет день, когда народ воздвигнет великолепный памятник ему и всем тем людям, которые в наши грешные дни хранили глубокую веру в то, что царству Маммоны настанет конец… Я просто боготворю человека, решившегося

провозгласить, что неравенство талантов должно привести не к неравенству вознаграждения, а к неравенству обязанностей».

Впрочем, нужно заметить, что восторженные симпатии молодой девушки к французским революционерам и ее увлечение идеями социалистов – все это имело чисто платонический характер. Сама она всегда стояла в стороне от общественной жизни и, несмотря на свое теоретическое сочувствие к социализму, никогда не принимала никакого участия в социалистическом движении, начавшемся в Англии в 1860-х годах. У нее была натура совсем другого склада, и она всегда гораздо более интересовалась вопросами искусства и философии, чем политикой и общественными делами. Ее временное увлечение французской революцией как раз совпало с периодом ее наиболее страстного увлечения философией. Мисс Эдит Симкопс рассказывает в своих воспоминаниях о Джордж Элиот, что однажды, когда они гуляли с мисс Эванс в окрестностях Ковентри и разговаривали о философии, молодая девушка с жаром воскликнула: «О, если бы мне удалось примирить философию Локка с Кантом! Ради этого стоило бы жить». В одном из писем к мисс Геннель она пишет, что собирается приняться за самостоятельную работу и написать исследование «О преимуществе утешений, доставляемых философией, над утешениями, доставляемыми религией».

Но несмотря на утешения, доставляемые философией, личная жизнь ее в это время была очень невесела. Отец ее опасно заболел, и молодая девушка, сама постоянно страдавшая страшными головными болями и нервным расстройством, должна была посвящать почти все свое время уходу за ним. Болезнь отца и собственное почти постоянное нездоровье тяжело сказывались на ее настроении духа. Кроме того, ею поневоле иногда овладевало сознание, что молодость проходит (ей было уже 28 лет), что лучшие годы прожиты, и, хотя она и старалась утешать себя философскими размышлениями о том, что чем человек старше, тем он более способен к разумному наслаждению жизнью, – но надо думать, что эти утешения были не особенно действенны. По крайней мере, по письмам ее видно, что ей приходилось переживать много горьких минут под влиянием таких мыслей. Так, например, она пишет мисс Геннель: «Представьте себе неприятное положение бедного смертного, который просыпается в одно прекрасное утро и видит, что вся та поэзия, которая наполняла его жизнь еще вчера вечером, вдруг куда-то исчезла, и он остается один лицом к лицу с жестким и прозаическим миром столов, стульев и зеркал. Так оно бывает на всех ступенях жизни: проходит поэзия девичества, поэзия любви и

замужества, поэзия материнства, и наконец исчезает даже поэзия исполнения долга, и тогда мы сами и все окружающее представляется нам в виде каких-то жалких соединений атомов… На меня иногда нападает какое-то странное умопомрачение, совершенно противоположное тому бреду, который заставляет больного предполагать, что тело наполняет собою все пространство. Мне, напротив, кажется иногда, что я все суживаюсь, уменьшаюсь и приближаюсь к математической абстракции – к точке».

Состояние здоровья отца все ухудшалось, и мисс Эванс оставалось очень мало свободного времени для себя. Тем не менее, она все-таки предприняла новую работу – перевод «Политико-теологического трактата» Спинозы. Спиноза был одним из ее самых любимых писателей, и она взялась за перевод, чтобы сделать его доступным для мистера Брэя, не знавшего латинского языка. Изучение Спинозы и перевод его доставляли ей большое наслаждение, но она почти не могла им заниматься, потому что проводила дни и ночи у постели умирающего отца.

Мистер Эванс умер в мае 1849 года, и после его смерти Мэри Анн осталась совсем одна на свете. Смерть отца сильно подорвала ее и без того расстроенное здоровье, так что друзья уговорили ее провести год за границей, в Швейцарии, чтобы укрепить свои силы. Она поехала с Брэями в Италию, а потом поселилась в Женеве, где провела около года. Полная перемена обстановки и мягкий швейцарский климат принесли ей большую пользу: она очень поздоровела, нервы ее укрепились, и она с новыми силами вернулась в Англию. Своим пребыванием в Женеве она осталась очень довольна. Особенно много наслаждений доставляла ей чудная швейцарская природа. «Женева с каждым днем мне все больше и больше нравится, – пишет она миссис Брэй. – Озеро, городок на берегах его, деревни с хорошенькими домиками, окруженными зеленью, и величавые снежные горы вдали – все это так прекрасно, что как-то не верится, что находишься на земле. Живя здесь, можно совершенно забыть, что на свете существуют такие вещи, как нужда, труд и страдания. Постоянное созерцание этой красоты действует на душу вроде хлороформа. Я чувствую, что начинаю погружаться в какое-то приятное состояние, близкое к бессознательности»…

Но этот отдых продолжался недолго. Как только Мэри Анн несколько поправилась и освоилась со своей новой жизнью, она снова принялась за занятия, и, прежде всего, за неоконченный перевод Спинозы.

Кроме того, мисс Эванс немного занималась высшей

математикой и слушала лекции физики известного в то время профессора де ла Рива. Прожив около года в Женеве, она вернулась в Англию и, погостив некоторое время у своего брата на ферме и у Брэев в Ковентри, поселилась в Лондоне и стала жить литературным трудом. Близкий друг мистера Брэя, Чапман, издававший ее философские переводы, предложил ей быть соредактором журнала «Westminster Review», который перешел к нему из рук Милля, и она с большой радостью вступила на новый для нее путь журналистской деятельности.

Журнал «Westminster Review», в издании которого мисс Эванс стала теперь принимать близкое участие, был в то время главным органом английских позитивистов, вокруг которого группировались такие выдающиеся писатели и ученые, как Спенсер, Льюис, Гарриет Мартини, историки Фроуд, Грот и другие. Мисс Эванс нанимала комнату в семье издателя мистера Чапмана и была очень деятельным членом редакции.

Она не только писала ежемесячные критические статьи, но и исполняла разную черновую журнальную работу, читала рукописи и держала корректуры. Из ее критических очерков наиболее интересна статья о женщинах-писательницах, озаглавленная «Глупые романы женщин-романисток» («Silly novels by lady-novelists»). В ней будущая писательница чрезвычайно неодобрительно относится к женскому творчеству; характерно, что она упрекает современных ей английских писательниц, главным образом, за их незнание народной жизни. Приведем следующие слова, показывающие ее взгляд на задачи писателя-романиста: «Искусство должно стоять как можно ближе к жизни; оно пополняет наш личный опыт и расширяет наши сведения о людях. Особенно же священна обязанность писателя, берущегося изображать жизнь народа. Если мы получим неверные представления о манерах и разговорах каких-нибудь маркизов и графов, то беда еще будет не особенно велика; но важно, чтобы у нас установилось правильное отношение к радостям и горестям, к труду и борьбе в жизни людей, обреченных на тяжелое трудовое существование, и в этом нам должна помочь литература». Всякого, кто знаком с романами Джордж Элиот, невольно поразит их соответствие с теоретическими требованиями, высказанными в вышеприведенных строках.

В начале своего пребывания в Лондоне мисс Эванс была несколько увлечена новой для нее атмосферой литературного мира, в которую она теперь попала. Знакомство с разными выдающимися людьми, посещение концертов, театров и публичных лекций, литературные собрания, еженедельно происходившие в редакции, – все это сначала казалось

чрезвычайно интересным и заманчивым для девушки, проведшей всю жизнь в деревне и маленьком провинциальном городке. Но вскоре весь этот шумный круговорот лондонской жизни и постоянное пребывание среди чужих людей стали очень утомлять ее. Особенно тяготило ее полное одиночество. Со смертью отца она потеряла единственного человека, которому была необходима и который нуждался в ее заботах: несмотря на чисто мужской склад ума, в натуре ее было слишком много женского и материнского, чтобы удовлетвориться исключительно умственными и литературными интересами. Чем старше она становилась, тем эта потребность в семье, в близком человеке делалась все сильнее и сильнее. Но она, по-видимому, считала свою личную жизнь уже законченной и не рассчитывала ни на что в будущем. «Какими мы все становимся безобразными, старыми каргами, – с грустью пишет она мисс Геннель. – Может быть, в один прекрасный день со мной случится что-нибудь необычайное, но пока не случается ровно ничего, кроме звонка к обеду и прибытия новых корректур».

Она действительно и не подозревала тогда, какие «необычайные события» ждали ее в самом близком будущем. Из всех своих новых знакомых она ближе всех сошлась с Гербертом Спенсером, тогда еще начинающим писателем, обнародовавшим только свою «Социальную статику». Дружба с ним, по словам самой Джордж Элиот, была самым светлым явлением в ее лондонской жизни. «Без него мое существование здесь было бы довольно-таки безотрадно», – пишет она мисс Геннель. Спенсер же познакомил ее с Льюисом, которому суждено было играть такую важную роль в ее жизни.

Льюис был в то время одним из самых популярных английских журналистов. Это был человек очень разносторонне образованный и обладавший большим писательским дарованием, но для настоящего ученого у него не хватало глубины и основательности. Как верно выразился про него один из английских критиков, это был «журналист в философии и философ в журналистике». Он не внес ничего нового в науку, но многие из его сочинений до сих пор пользуются большой известностью и переведены на иностранные языки, в том числе и на русский («История философии в биографиях ее главнейших деятелей», «Физиология обыденной жизни», «Жизнь Гёте», «Опост Конт и позитивная философия»). Как личность Льюис, по отзыву всех знавших его, был необыкновенно симпатичен: это был живой, увлекающийся, остроумный человек, всюду вносивший с собой оживление. Своей наружностью и манерами, всклокоченными волосами и бородой, громким голосом и

постоянной жестикуляцией он поражал чопорное английское общество и казался в нем каким-то иностранцем. Он вел очень подвижный образ жизни, много путешествовал, изучал самые разнообразные отрасли знания, писал журнальные статьи, пробовал свои силы в беллетристике (написал два романа: «Рантрон» и «Розовая, белая и лиловая») и даже когда-то изображал арлекина в труппе странствующих актеров. Теккерей говорил про него, что он нисколько бы не удивился, если бы в один прекрасный день увидел Льюиса разъезжающим по улицам Лондона на белом слоне.

Льюис был женат и имел троих сыновей, но разошелся с женой через несколько лет после свадьбы. В то время, как он через Спенсера познакомился с мисс Эванс, он жил в Лондоне на положении холостого человека и издавал еженедельную газету «Leader» («Руководитель»). Первое впечатление, произведенное им на мисс Эванс, было скорее неблагоприятное. Она пишет про него мисс Геннель, что «с виду это нечто вроде Мирабо в миниатюре», и с легкой иронией относится к его шумным манерам и постоянной веселости. Но это первое впечатление, по-видимому, скоро изгладилось: они часто виделись по делам редакции, и между этими, столь различными во всем людьми постепенно установились близкие, дружеские отношения, незаметно для обоих перешедшие в совсем другого рода чувство. Письма мисс Эванс к друзьям принимают совершенно иной характер: в них появляется новая, жизнерадостная струйка, все чаще и чаще встречается имя Льюис. «Мы очень хорошо провели вечер в прошлую пятницу, – пишет она мисс Геннель. – Льюис, как всегда, был занимателен и остроумен. Он, как-то помимо моей воли, овладел моей благосклонностью». Через некоторое время она опять пишет: «Вчера была во французском театре, а сегодня отправляюсь в оперу слушать „Вильгельма Телля“. Все очень добры ко мне, особенно мистер Льюис, который совершенно покорил мое сердце, несмотря на то что вначале он не внушал мне особенной симпатии. Он принадлежит к числу немногих, которые на самом деле лучше, чем кажутся. Это человек с сердцем и совестью, только напускающий на себя какое-то легкомыслие и бесшабашность».

Льюис делается ее постоянным гостем и сопровождает ее в театры, концерты и другие публичные места. По письмам видно, что близость их все увеличивается. Она пишет мисс Геннель: «Все это время не писала Вам потому, что была очень занята: я переехала на другую квартиру, и с этим переездом была масса возни. Кроме того, я обещала сделать одну работу для некоторой личности, которая, пожалуй, еще более ленива, чем я, так что у

меня нет ни одной свободной минуты». Эта ленивая личность был не кто иной, как Льюис, для которого она читала корректуры его газеты.

Когда Льюис заболел, мисс Эванс была чрезвычайно встревожена этим, сделалась его сестрой милосердия и взялась выполнить за него всю обязательную литературную работу. В письмах ее иногда проскальзывают намеки на готовящийся перелом в ее жизни, на ее намерение уехать на время за границу, хотя ничего определенного она не пишет. «Мой 34-й год я начинаю счастливее, чем какой-либо из предшествующих», – пишет она мисс Геннель, но не объясняет, в чем, собственно говоря, заключается это счастье. Потому все ее родные и друзья были необыкновенно поражены, когда она вдруг, никого не предупреждая и ни с кем не советуясь, уехала с Льюисом за границу.

Сойтись с женатым человеком и открыто жить с ним как его жена – это был такой смелый шаг, которого никто не мог ожидать от тихой, молчаливой, немного даже сухой девушки, всецело погруженной в философию, в свои литературные работы и, по-видимому, никогда не думавшей о любви. Как справедливо замечает Ковалевская в своих воспоминаниях о Джордж Элиот, чтобы понять все значение этого поступка, нужно вспомнить о страшной чопорности и гнете приличий, господствующих в английском обществе. Родные мисс Эванс были так скандализированы ее «безнравственностью», что прервали с ней всякие сношения; огромное большинство знакомых тоже отступились от нее; даже Брэи, с которыми ее связывала такая искренняя и многолетняя дружба, были чрезвычайно недовольны совершившейся в ее жизни переменой, и между ними произошла маленькая размолвка, длившаяся, впрочем, не более года. Но несмотря на общее негодование, обрушившееся на нее со всех сторон, мисс Эванс была по-настоящему глубоко счастлива. В ее жизни счастье долго заставило себя ждать и пришло совершенно неожиданно, когда она уже перестала надеяться на возможность его. А потребность в этом счастье всегда была очень сильна в ней: она страшно тяготилась своим одиночеством, тем, что нет ни одного человека, «которому бы она была нужна и чья жизнь была бы хуже без нее».

Приведем письмо ее к миссис Брэй, написанное через год после отъезда за границу. Из этого письма видно, как она сама смотрела на свой союз с Льюисом: «Самым глубоким и серьезным фактом в моей жизни я считаю мои отношения к мистеру Льюису. Я вполне понимаю, что Вы во многом можете заблуждаться на мой счет, тем более, что Вы совсем не знаете мистера Льюиса и,

кроме того, мы с Вами так давно не виделись, что Вы легко можете предположить какие-нибудь перемены в моих взглядах и характере, которых в действительности нет… Скажу Вам только одно: ни в теории, ни на практике я не признаю мимолетных, легко разрываемых связей. Женщины, удовлетворяющиеся такого рода связями, не поступают так, как я поступила. Если такой незараженный предрассудками человек, как Вы, называет мои отношения к мистеру Льюису „безнравственными“, то я могу объяснить себе это, только припоминая, из каких сложных и разнообразных элементов слагаются суждения людей. И я всегда стараюсь помнить это и снисходительно отношусь к тем, которые так сурово осуждают нас. Впрочем, от огромного большинства мы и не могли ждать ничего, кроме самого строгого приговора. Но мы так счастливы друг с другом, что все это перенести нетрудно».

Мисс Эванс действительно никогда не пришлось раскаиваться в своем смелом решении. Их двадцатичетырехлетняя совместная жизнь была образцом семейного счастья. Замечательно, что время нисколько не изменило их отношений, и через много лет после их сближения они оба радовались при мысли провести вечер вдвоем, как какие-нибудь влюбленные. В письмах и дневниках Джордж Элиот постоянно встречаются упоминания о Льюисе и о ее любви к нему.

Так, в 1865 году, через 10 лет после их сближения, она пишет в своем дневнике: «Джордж опять страшно занят. Как я люблю его постоянную бодрость духа, его ум, его теплую заботливость о всех, кто в нем нуждается! Эта любовь – лучшая часть моей жизни». Прочность их отношений обусловливается в значительной степени тем, что, кроме любви, жизнь их была заполнена самыми разнообразными умственными интересами, которые были для них обоих выше всего на свете. Джордж Элиот принимала самое живое участие в научной деятельности своего мужа, так же, как он – в ее литературных работах. Льюис страстно любил мисс Эванс. Какую роль она играла в его жизни, видно из отрывка его дневника.

Говоря о своей дружбе со Спенсером, он прибавляет: «Я ему чрезвычайно обязан. Знакомство с ним было для меня светлым лучом в один очень тяжелый, бесплодный период моей жизни. Я отказался от всяких честолюбивых замыслов, жил изо дня в день и довольствовался ежедневными неприятностями. Общение с ним снова возбудило мою энергию и воскресило любовь к науке, которая уже умирала во мне. Спенсеру же я обязан другим, гораздо более важным и глубоким переворотом в моей судьбе: через него я познакомился с Мэри Анн; знать ее – это значило ее любить, и с тех пор для меня началась новая жизнь. Ей я обязан

всеми своими успехами и всем своим счастьем. Бог да благословит ее».

Для сыновей Льюиса Джордж Элиот была настоящей матерью. По ее переписке с ними видно, что она входила во все мелочи их детской жизни и относилась к ним с чисто материнской заботливостью. Мальчики называли ее «матерью» и очень ее любили. Из всего этого очень ясно, как неправы были те, которые так пламенно негодовали на мисс Эванс за то, что она разрушила чужую семью, тогда как она, напротив, устроила настоящую семейную жизнь для Льюиса и его детей.

Глава III

Литературная деятельность Джордж Элиот. – «Сцены из жизни духовенства». – «Адам Бид». – «Мельница на Флоссе»

20 июля 1854 года мисс Эванс с Льюисом уехала за границу – в Веймар, где Льюис собирал источники для предпринятой им биографии Гёте. Восемь месяцев, проведенные в Германии, были полны для них самыми разнообразными и интересными впечатлениями. Они осматривали картинные галереи и разные местные достопримечательности Веймара и сошлись там с кружком интеллигентных людей – музыкантов, профессоров и писателей. Оба они в то же время много работали: Льюис, как уже сказано, занимался составлением биографии Гёте, а она усердно писала разные журнальные статьи (например, статьи о Викторе Кузене, о Гейне, Кемминге и других). Кроме того, она предприняла и почти довела до конца перевод «Этики» Спинозы.

Месяцы, проведенные за границей, составляли полный контраст с тихой, почти затворнической жизнью, которой они зажили, вернувшись в Лондон. За границей их отношения не составляли никакого препятствия для их сближения с обществом: во-первых, там вообще на такого рода вещи смотрят гораздо снисходительнее и гуманнее, чем в Англии, а во-вторых, они были иностранцами и многие из их новых знакомых даже и не знали, что молодая женщина, всюду являющаяся вместе с Льюисом, – не жена ему. В Лондоне же положение их было совсем другим. Почти все прежние знакомые отвернулись от них, за исключением некоторых неженатых товарищей Льюиса, среди которых был и Спенсер.

Работать им обоим приходилось очень много, потому что средств не было, а на их руках было трое детей Льюиса и их мать. Квартира у них была очень маленькая, и они занимались в одной комнате, каждый за своим письменным столом. Джордж Элиот рассказывала впоследствии, как неудобно было это совместное писание и как постоянный скрип пера над ее ухом раздражал ей нервы. Льюис заканчивал свою биографию Гёте и писал много журнальных статей. Джордж Элиот работала над переводом «Этики» Спинозы, вела ежемесячное литературно-критическое обозрение в «Westminster Review» и, кроме того, тоже писала разные журнальные статьи. Многие из этих статей, появлявшиеся всегда без подписи автора, обращали на себя общее внимание оригинальностью высказываемых в них мнений и литературным языком; но Джордж Элиот ни за что не хотела открывать свое инкогнито и не подписывалась даже под переводами. Это

объясняется отчасти ее нежеланием заставить говорить о себе ввиду ее щекотливого положения незаконной жены, отчасти же тем, что ей казалось, что публика будет с некоторым недоверием относиться к ее статьям и переводам, когда узнает, что автор их – женщина.

Приведем отрывок из ее письма к мисс Геннель, показывающий, каким образом они проводили время. Она пишет: «Давно уже собиралась написать Вам, но дни мои так аккуратно распределены по часам, что совсем не поспеваешь делать что-нибудь, не входящее в программу. Утром мы оба заняты писанием, а по вечерам наслаждаемся третьим томом Рёскина – одной из самых лучших книг, какие выходили за последнее время. Я каждый вечер читаю ее вслух в течение часа или более после обеда; затем мы переходим к старым драматическим писателям, и мистер Льюис читает мне их столько времени, насколько у него хватает голосу. Вечер завершается чтением „Животного царства“ Р. Джонса, из которого я получаю смутные представления о жабрах и тому подобных вещах. Таковы наши вечера… В нашей жизни нет никаких событий, кроме умственной деятельности; единственное, что вносит в нее некоторое разнообразие – это случайное прибытие письма, более длинного, чем обыкновенно».

Когда биография Гёте была закончена и сдана издателю, Льюисы отправились на некоторое время отдохнуть к морскому берегу в Ильфракомб. Эта поездка была очень важным периодом в жизни будущей писательницы: здесь она начала писать свою первую повесть. С ранней молодости она втайне лелеяла мечту когда-нибудь написать большой роман. Из этого романа была написана всего одна глава – описание английской деревни, и затем она больше и не принималась за него. Мечты о романе, однако, не покидали ее, но она все больше и больше сомневалась в своей способности когда-нибудь выполнить эту задачу. Второй муж ее, мистер Кросс, рассказывает, что, когда он однажды стал уговаривать ее написать автобиографию, она сказала на это: «Единственное, что могло бы быть интересно в моей автобиографии – это то полнейшее отчаяние, в которое я приходила от моей абсолютной неспособности написать что-либо беллетристическое. Это, может быть, приободрило бы какого-нибудь начинающего писателя».

Сближение с Льюисом дало решительный толчок ее таланту. Его постоянная поддержка и одобрение имели для нее громадное значение. При ее нерешительной и неуверенной в себе натуре Мэри Анн уже не бралась за оригинальные произведения: ей казалось, что у нее нет таланта и что, наверное, ничего из ее

писания не выйдет. И действительно, все внешние данные были против нее: ей было уже 37 лет, она всегда была застенчива, серьезна и молчалива, изучала философию, древние языки и писала ученые статьи – все это совершенно не соответствовало общепринятым представлениям о художественном таланте. Только очень близко знавшие ее люди видели, что под этой ученой внешностью кроется живой, наблюдательный человек, обладающий большим юмором и пониманием людей. Льюис, живя вместе с нею, лучше всех узнал ее с этой стороны и чутьем любящего человека и вместе с тем опытного литератора угадал в ней выдающийся талант. Его предположения еще более укрепились, когда она однажды в Берлине прочла ему первую и единственную главу из своего романа, написанную в молодости. Это простое описание деревни поразило его своей художественностью, и он горячо начал уговаривать жену приняться за беллетристику. Под влиянием его постоянных уговоров и поощрений она начала писать свою первую повесть «Амос Бартон» и закончила ее менее чем в два месяца.

Когда повесть была закончена, Льюис, который все время чрезвычайно интересовался работой жены и читал ее по главам, откровенно признался ей, что она превзошла все его ожидания. Он был убежден, что описательная сторона выйдет у нее очень хорошо, но сомневался в ее умении изображать драматические и патетические моменты; последняя глава повести – описание смерти Милли – окончательно разубедила его в этом. Повесть, подписанная скромным псевдонимом «Джордж Элиот», была послана в журнал «Blockwoods Magazine», где тотчас же была напечатана и обратила на себя внимание читающей публики.

Когда этот первый шаг оказался таким удачным, Джордж Элиот начала работать с удивительной быстротой. Она как будто старалась вознаградить себя за долгие бесплодно прошедшие годы молодости и в тот же год написала еще две повести – «Любовь мистера Гильфиля» и «Исповедь Дженнет», которые также были напечатаны в «Blockwoods Magazine» и в конце года вышли отдельным изданием под заглавием: «Сцены из жизни духовенства».

Эти три небольшие повести уже заключают в себе все характерные особенности дальнейших произведений Джордж Элиот. Сюжет их крайне несложен, и прелесть их заключается не в запутанной интриге и драматических коллизиях, а в правдивом и в то же время полном поэзии описании обыденной жизни, обыденных характеров и обыденных страданий маленьких, простых людей. Изображение провинциального общества, этого царства сплетен и мелочей жизни, дышит неподдельной

свежестью и юмором. Перед читателем как живые проходят фигуры забитого, обремененного семейством сельского викария Амоса Бартона, его кроткой, любящей жены, словоохотливой, энергичной фермерши миссис Гэкит, провинциального врача мистера Пильгрима и других. Все это совсем обыкновенные люди, каких встречаешь на каждом шагу, и Джордж Элиот говорит по этому поводу в одном из своих довольно многочисленных обращений к читателю (в «Амосе Бартоне»): «Поверьте мне, Вы бы несказанно много выиграли, если бы сумели понять хоть частицу той поэзии и того пафоса, того трагизма и комизма, которые заключены в душе простого человека, смотрящего на мир тусклыми, серыми глазами и говорящего только самые обыденные, незначительные речи».

Материалом для этих повестей, как и для многих последующих романов, послужили детские и юношеские воспоминания. Так, в истории Амоса Бартона рассказывается действительное происшествие, героиней которого была одна подруга ее матери. В лице фермерши миссис Гэкит Джордж Элиот выставила свою мать.

«Сцены из жизни духовенства» сразу обратили на себя общее внимание, и неизвестный автор, скрывающийся под ничего не говорящим псевдонимом «Джордж Элиот», сделался предметом многочисленных толков и догадок. Большинство придерживалось того взгляда, что автор этих повестей – священник; сам издатель, по случайному сходству почерков, подозревал одно время в авторстве профессора физиологии Оуэна; третьи приписывали новую книгу лорду Булверу Литтону. Но в одном пункте все были согласны – все были убеждены, что новый автор, обладающий таким выдающимся литературным талантом, – несомненно мужчина. Единственный, кто разгадал женщину в таинственном писателе, которого принимали то за священника, то за профессора физиологии, был Диккенс. Приведем отрывок из его письма к Джордж Элиот, написанный в благодарность за присланный ему экземпляр повестей: «Книга, которую Вы были так любезны прислать мне через Блэквуда, произвела на меня такое сильное впечатление, что я не могу удержаться от того, чтобы не выразить Вам моего восторга по поводу ее необыкновенных достоинств. Я нигде не встречал такой правды и такой художественности, каким дышат юмористические и патетические сцены этих повестей…

Обращая эти несколько слов к автору „Злоключений Амоса Бортона“ и печальной истории „Любви мистера Гильфиля“, я обязан признавать то имя, которым автору угодно было назвать себя. Но если бы я мог следовать голосу своего чувства, я бы

сказал, что Вы – женщина. Я подметил такие женственные черты в Ваших рассказах, что мужского имени на заглавном листе недостаточно, чтобы разубедить меня в этом предположении».

С изданием «Сцен из жизни духовенства» в жизни Джордж Элиот началась новая эра. Литературный талант, так внезапно проявившийся в ней уже на склоне лет, чрезвычайно взволновал ее, но она отнеслась к этому с такой же глубокой серьезностью, с какой относилась ко всем выдающимся событиям своей жизни, и у нее тотчас же появилось сознание новых обязанностей, новой ответственности, налагаемых на нее этим талантом. Она пишет в своем дневнике 31 декабря 1857 года: «Дорогой старый год прошел со всем его Weben und Streben. Но для меня он не совсем прошел, потому что те страдания и то счастие, которое я испытала за это время, до конца жизни останутся достоянием моей души. Жизнь моя сделалась несказанно глубже и полнее за этот год: я чувствую в себе больше силы для умственных и нравственных наслаждений, более острое сознание моих прегрешений в прошлом и более глубокое стремление исполнить возложенные на меня обязанности, чем когда-либо прежде. Мое личное счастие тоже увеличилось: наша взаимная любовь и единение возрастают с каждым днем. Я думаю, мало найдется женщин, которые за долгие печальные годы молодости были бы вознаграждены таким счастливым зрелым возрастом, как я». Закончив «Сцены из жизни духовенства», Джордж Элиот тотчас же принялась за новый роман, «Адам Бид», над которым она работала немногим более года (с октября 1857 до ноября 1858). Первая часть его была написана в Лондоне, все остальное – за границей, в Германии, куда Льюис, занимавшийся тогда естественными науками и писавший свою «Физиологию обыденной жизни», поехал ради научных целей. За границей они жили тою же трудовой, умственной жизнью, что и в Англии, с той только разницей, что тут они наслаждались живописной природой и обществом таких людей, как Либих, Боденштед, профессор Зибольд, и других, которые очень дружески относились к Льюису и его жене. Дрезденская картинная галерея со знаменитой «Сикстинской мадонной», концерты на открытом воздухе, прогулки по красивым окрестностям Дрездена – все это, по словам Джордж Элиот, «составляло приятную рамку для спокойного рабочего времени». Вот как она описывает свою жизнь в Дрездене: «Мы были счастливы, как принцы не бывают. Джордж писал в дальнем углу нашего большого салона, я – в своей комнате за закрытыми дверями. Здесь я написала почти всю вторую часть „Адама Бида“. Мы вставали в шесть часов и занимались все утро».

«Адам Бид» был закончен уже в Лондоне. Это – роман из деревенской жизни, материалом для которого, как и для «Сцен из жизни духовенства», послужили девичьи воспоминания писательницы. Джордж Элиот пишет в своем дневнике, что, когда она была еще совсем молодой девушкой, ее тетка-методистка рассказывала ей однажды о том, как она навещала в тюрьме одну преступницу, обвиняемую в детоубийстве и приговоренную к смертной казни; как ей удалось довести несчастную девушку до покаяния и как она потом сопровождала ее до места казни. Этот рассказ произвел сильное впечатление на будущую писательницу и глубоко врезался ей в память. «Спустя много лет, – пишет Джордж Элиот, – я случайно передала этот рассказ Джорджу, и он заметил, что сцена в тюрьме составила бы прекрасную главу в романе. Я стала думать над этим, и мне пришло в голову соединить в одно целое разные эпизоды из жизни и деятельности моей тетки с историей молодости моего отца… Когда я начала писать, единственное, что у меня было определенно задумано, кроме характера Дины, это были характеры Адама, в котором я хотела изобразить моего отца, и молодого Артура Доннитorна и их взаимоотношения с Гетти, то есть с девушкой, совершившей детоубийство. Все остальное постепенно выяснялось само собой и вытекало из их характеров».

* * *

Передадим вкратце содержание «Адама Бида».

Действие происходит в небольшой деревушке Гейслон. Главный герой романа – плотник Адам Бид, крепко сложенный, сильный человек с широкой грудью и большими, могучими руками, отлично приспособленными ко всякого рода механическому труду. Духом он так же силен и крепок, как телом. Это настоящий работник, неутомимый, честный, прямой, с любовью относящийся к своему простому делу. Фигура Адама обрисована с удивительным мастерством, без всякой фальшивой идеализации и сгущенных красок. Как большинство очень хороших и цельных людей, Адам несколько ограничен. Он полон бодрости и бессознательной любви к жизни, к зеленым полям, к лесу, ко всей великой и таинственной природе, среди которой он вырос и живет. Но ему эта природа не кажется таинственной; она не вызывает в нем никаких вопросов и сомнений, а только возбуждает радостное чувство бытия и усиливает энергию к труду. Он чужд всякого мистицизма и считает, что дух Божий одинаково проявляется и в больших, и в малых вещах и что

человек, честно трудящийся над своим домом и огородом, будет так же близок к Богу, как если бы он постоянно ходил на религиозные собрания, молился и вздыхал о своих грехах.

Полной противоположностью Адаму является его младший брат Сет Бид. Насколько Адам энергичен, практичен и трезв, настолько же Сет неловок, нерешителен и неумел. Для него труд не составляет главного содержания жизни: он постоянно мучительно задумывается о Боге и о спасении своей души, и все мистические стремления его натуры находят себе полное удовлетворение в религиозном учении методистов, которое приобретает в Сете фанатического приверженца. В романе Сет играет лишь второстепенную роль: он всегда и во всем пасует перед старшим братом, который уже с детства был настоящей опорой семьи и гордостью матери. Мать боготворила Адама, хотя несколько побаивалась его, а к Сету она, как и все односельчане, относилась с некоторым пренебрежением, считая его непригодным для жизни чудаком-мечтателем. Мягкому, добродушному Сету недоставало чего-то, что создает успех в жизни и чего было так много в его брате. Он был из тех, которые всегда остаются «номером вторым». Ему не повезло даже в любви: любимая им девушка делается в конце концов женой Адама. Сет живет вместе с ними, нянчит ее детей и нисколько не ропщет на судьбу, считая, что все ее решения справедливы и что он по своей греховности и недостоин большего счастья.

С самого начала рассказа Сет и Адам влюблены. Адам влюблен в одну из племянниц зажиточного фермера Мартина Пойзера – хорошенькую Гетти Сорель. По выражению Джордж Элиот, Гетти обладала той особенной, «кошачьей» красотой, которая неотразимо привлекает к себе всех, – не только мужчин, но даже и женщин. Кроме красоты, Гетто не отличалась ничем особенным: она не была ни умна, ни зла, но и не особенно добра, не ленива, но и не очень любила трудиться, а главное – выказывала полное равнодушие ко всему на свете, кроме того, что имело какое-нибудь отношение к ее наружности. Вся ее внутренняя жизнь сосредоточивалась на культе своей красоты: любуясь на себя в зеркало и украшая свою хорошенькую головку каким-нибудь грошовым убором, она испытывала самые сильные душевные волнения, на какие только была способна. И вот эта-то очаровательная кошечка совсем вскружила голову Адаму; он полюбил ее, как умеют любить только такие наивные, непосредственные люди, и решил во что бы то ни стало добиться счастья назвать ее своей женой. Гетти благосклонно принимала ухаживания красивого плотника, пользовавшегося общим уважением во всем околотке. Они льстили ее самолюбию, но

мысль о возможности выйти за него замуж не особенно ей улыбалась: мечты ее заносились совсем в другую сторону.

Сет тоже влюблен, и предметом его увлечения является другая племянница того же Мартина Пойзера – молодая методистская проповедница Дина Морис. Дина тоже хорошенькая девушка, хотя далеко не так красива, как ее двоюродная сестра, и не обладает ее неотразимой привлекательностью. Все, что составляет смысл и прелесть жизни для тщеславной маленькой Гетти, не имеет ровно никакой цены для Дины. Она одевается очень просто, не признает никаких украшений и умышленно безобразит свое молодое, хорошенькое личико уродливым методистским чепцом. Вся жизнь ее заключается в деятельной любви к людям. Она отказывается от спокойной, привольной жизни у своей зажиточной тетки-фермерши и предпочитает жить своим трудом в ближайшем городе, где она проповедует слово Божие бедным рудокопам. На ферме, по ее мнению, жизнь слишком легка, люди кругом «недостаточно несчастны» и не нуждаются в ее помощи. Вот что сама она говорит о том настроении, которое побудило ее избрать такой образ жизни: «С шестнадцатилетнего возраста я привыкла разговаривать с маленькими детьми и учить их; иногда сердце мое переполнялось, мне хотелось говорить в классе и молиться с больными. Но я еще не чувствовала призвания к проповеди. Когда я не слишком занята, я бы все сидела молча и думала, утопая душой в Боге, как тонут камешки в реке. Ведь мысли так велики, не правда ли, господин пастор? Они заливают нас, как глубокий поток; и я забываю, где я и что со мной делается, и вся отдаюсь разным мыслям. Иногда же мне кажется, что я должна говорить помимо моей воли и что слова будут срываться у меня с языка, как слезы льются из глаз, когда сердце переполнено, и мы не можем удержать их».

Дина является воплощением бессознательной, простой жалости и любви к людям; ее нравственные и религиозные принципы так неразрывно связаны с самой сущностью ее натуры, что, как верно замечает одно из действующих лиц в романе, пастор Ирвайн, «пытаться отклонить ее от ее деятельности было бы так же бесполезно, как читать наставления деревьям за то, что они растут в том, а не в другом направлении».

В начале романа действие развивается довольно медленно, и перед читателем одна за другой проходят картины, с удивительной яркостью рисующие жизнь и нравы деревни. Джордж Элиот дает нам чрезвычайно рельефное и художественное описание секты методистов, пользующейся такой популярностью в низших классах английского народа; описывает

религиозные собрания методистов, отношение к ним деревенских жителей и представителей церкви. С необыкновенной художественной правдой описывает она мирный домашний очаг фермера, рабочую мастерскую плотников, вечерние занятия в школе для взрослых. И вот в этом-то обособленном замкнутом мирке, живущем своими животрепещущими, повседневными интересами, появляется новое лицо, которое совершенно незаметно для других и для самого себя делается виновником страшной драмы, результатом которой является гибель двух жизней.

В Гейслон приезжает Артур Доннитorн – блестящий молодой офицер, исполненный рыцарских чувств и самых добрых намерений. После смерти старика деда он будет владельцем Гейслона и намеревается к тому времени выйти в отставку и поселиться в деревне. Артур – человек поверхностный и слабый, избалованный жизнью и не привыкший ни в чем себе отказывать. В то же время по своей натуре он очень мягок и добр и искренне мечтает сделаться впоследствии образцовым помещиком, благодетельствующим всех, кто от него зависит. Он чрезвычайно дорожит хорошим мнением о себе, и для него нет ничего приятнее, как сознавать себя настоящим джентльменом, возбуждающим общие симпатии.

Приехав на лето в деревню, Артур случайно встретился с Гетти и был приятно поражен ее красотой. Невинное ухаживание за хорошенькой девушкой было неожиданным развлечением в однообразии его деревенской жизни. Гетти была в восторге от своего нового поклонника. Мало-помалу отношения между ними делались все ближе и нежней, и Артур чувствовал, что пора остановиться, но в деревне было так скучно, а Гетти была так мила, казалось, была так искренне влюблена в него! Остановиться было трудно, и у Артура не нашлось достаточно сил для этого.

Развязка наступила быстрее, чем он ее ожидал. Адам Бид случайно наткнулся в лесу на сцены нежного прощания его с Гетти. Можно представить себе, до чего он был потрясен тем, что увидел. Он не стерпел, вызвал Артура на поединок и жестоко поколотил изящного офицера.[2] Артур тут только понял, сколько горя он доставил Адаму тем, что не сумел вовремя удержаться от удовлетворения минутной прихоти. Он не подозревал, что Адам любит Гетти, и мысль, что он разрушил счастье человека, которого знал с детства и очень уважал, была ему крайне тяжела. Вообще, Адам заставил его совсем другими глазами взглянуть на то, что раньше казалось ему просто «невинным развлечением». Столкновение между Адамом и Артуром в лесу принадлежит к числу лучших сцен в романе. Здесь с удивительной рельефностью

выступают два противоположных миросозерцания, два взгляда на любовь и на женщину – серьезное, почти религиозное отношение простого рабочего человека к своей любви и поверхностное, легкое отношение к тому же избалованного джентльмена, ищущего в жизни только приятных ощущений.

У Артура не хватило силы открыть Адаму сущность его отношений с Гетти. Он поклялся ему, что между ними дело не зашло дальше простого ухаживания, и написал Гетти письмо, в котором уведомлял ее, что должен ехать в Виндзор, в полк, и что между ними все кончено. Он действительно и уехал на другой день, а Адам передал Гетти его письмо. Вначале Гетти была страшно убита вероломством Артура. В ее наивной маленькой головке роились разные блестящие мечты о том, что Артур, может быть, на ней женится (она читала в романах, что это иногда бывает), что она сделается настоящей леди, будет ездить в карете и носить шелковые платья – и вдруг все эти мечты были разрушены. Но потом мало-помалу острая боль начала утихать. Гетти успокоилась, и когда Адам, который все время не переставал любить ее, сделал ей предложение, она согласилась без особенной радости, но и без особенного недовольства. Ее поверхностная, ограниченная натура была неспособна ни к каким глубоким чувствам. Свадьба с Адамом все-таки вносила некоторую перемену в ее жизнь, и к тому же свадебные приготовления и приданое чрезвычайно ее занимали. О самом Адаме и его счастье она не думала, потому что вообще не умела думать ни о ком и ни о чем, кроме самой себя. Все шло прекрасно, и день свадьбы был уже назначен, когда Гетти с ужасом убедилась, что она беременна. Что тут было делать? Эта задача оказалась не по силам такому слабому, беспомощному существу. Она убежала из дому и отправилась в Виндзор отыскивать Артура; по дороге у нее родился ребенок, и она не могла придумать никакого другого выхода, как убить его, чтобы снова вернуться домой и жить по-прежнему. Рассказ самой Гетти о том, как она убила своего ребенка, производит потрясающее впечатление: «Я сделала это, Дина… я зарыла его в лесу… моего маленького ребенка… и он плакал… я слышала, как он плакал… всю ночь… и я вернулась, потому что он плакал… Но я думала, что, может быть, он не умрет, что кто-нибудь найдет его и возьмет… я не убила его – я не убивала его сама… я только положила его туда и закрыла землей, а когда я вернулась, его уже там не было… Это потому, что я была так несчастна, Дина… я не знала, куда мне идти, и старалась раньше убить себя, но не могла… о, я так старалась броситься в пруд и все-таки не могла…» В таких отрывочных, бессвязных фразах она передает

всю свою историю.

Гетти не была казнена. В тот момент, когда она вместе с Диной подъехала на позорной колеснице к месту казни, явился Артур Доннитorн с бумагой о помиловании.

Этот театральный эффект – всадник, поспевающий к самому моменту казни с бумагой о помиловании, – несколько портит общее глубоко художественное впечатление, но это почти единственное неудачное место в большом трехтомном романе.

* * *

В «Адаме Биде» нет тенденции в узком смысле этого слова (как нет ее ни в одном из романов Джордж Элиот, за исключением, пожалуй, «Даниэля Деронды»), но народная жизнь изображена в нем такими симпатичными и вместе с тем правдивыми красками, что, независимо от намерений автора, читатель невольно проникается уважением к этим простым фермерам, плотникам, лесникам, к их простой, трудовой жизни. Несмотря на трагический элемент, вносимый в роман преступлением Гетти, от всей книги веет чем-то свежим, здоровым, бодрящим, деревенским простором и поэзией труда.

«Адам Бид» имел громадный успех. С первых же дней своего появления он обратил на себя всеобщее внимание. Все журналы и газеты единогласно признали его автора звездой первой величины и отвели ему место в одном ряду с Диккенсом и Теккереем. В первый же год роман этот выдержал семь изданий и разошелся в количестве 16 тысяч экземпляров. Джордж Элиот со всех сторон получала самые восторженные письма по поводу своего нового произведения – от Диккенса, Булвера, Рида и др.

Между прочим она получила также письмо от одного рабочего, который от своего имени и от имени кружка своих товарищей просил автора «Адама Бида» выпустить свое произведение дешевым изданием, чтобы сделать его доступным для низших классов народа. Он пишет, что почувствовал себя другим человеком после того, как прочел этот роман, и что после него ему совершенно опротивели разные копеечные народные издания.

Все были чрезвычайно заинтересованы личностью неизвестного автора, роман которого имел необычайный успех. Особенно много волнений возбудил этот роман на родине Джордж Элиот – в маленьком городке Ньюжантоне, в Варвикшире. Никто не мог догадаться, кто автор этого замечательного произведения; несомненно было только одно –

это был кто-нибудь из местных жителей, потому что в нем описывались лица и события, известные всем в Ньюжантоне. Сама Джордж Элиот говорит, что в ее романе нет ни одного портрета, но надо думать, что она несколько заблуждалась на этот счет. Адам и Дина несомненно были списаны с ее отца и тетки и были сразу узнаны их земляками. Один из самых ветхих стариков той местности, с детства бывший другом Роберта Эванса, был вне себя от изумления, когда при нем читали роман дочери его старого друга, в котором описывались разные сцены из их вместе проведенной молодости. Старик слушал чтение до глубокой ночи и время от времени не мог удержаться от восклицаний: «Это Роберт, убей меня Бог, если это не Роберт!» Точно так же Дина поразила всех своим сходством с невесткой мистера Эванса, известной в свое время методистской проповедницей. Она умерла вскоре после появления в свет романа своей племянницы, и над ее могилой сделали следующую эпитафию: «Здесь покоится тело Елизаветы Эванс, известной миру под именем Дины Морис». Все это показывает, до какой степени описания в «Адаме Биде» были близки к жизни; в нем даже остались неизмененными некоторые местные фамилии, например фамилия учителя мистера Эванса, Бартль Масси.

Понятно, что ньюжантонские жители были в полном недоумении относительно того, кто бы мог написать этот роман и «Сцены из жизни духовенства», в которых тоже было много для них знакомого. Они думали, думали и наконец решили, что Джордж Элиот – не кто иной, как некий мистер Лиджинс, сын булочника и единственный человек в Ньюжантоне, который учился в Кембриджском университете и, следовательно, мог иметь некоторые притязания на ученость. Когда к нему пришли его сограждане и объявили ему, что он автор «Сцен из жизни духовенства», он отвечал уклончиво, не признавая за собой авторства, но и не отрицая его. Когда же вышел второй роман Элиот, «Адам Бид», наделавший столько шуму в английском обществе и разошедшийся в таком громадном количестве экземпляров, то Лиджинс уже не в силах был противостоять искушению прослыть такой знаменитостью. Слава его быстро распространилась, и для бедного кандидата теологии, которого почитатели его таланта в первый приход застали за таким скромным занятием, как чистка своей кухонной посуды, началось привольное житье: его всюду чествовали как Джорджа Элиота, устраивали в его честь обеды, поили его дорогим вином и потчевали сигарами. Мало-помалу он так вошел в свою роль, что решился извлечь некоторые материальные выгоды из своей мнимой славы и стал распускать слухи, что он безвозмездно

отдает свои рукописи издателю, который получает большие деньги за его труды, тогда как он обречен на бедность. Возмущенные поклонники его решились устроить в его пользу подписку и послали негодующий протест издателю Блэквуду. Мифу об авторстве Лиджинса поверили даже некоторые близкие друзья Джордж Элиот, например мисс Геннель и Брэи. Эта история все более и более распространялась, так что настоящая Джордж Элиот принуждена была наконец вмешаться в нее и написала открытое письмо в «Times», в котором она раскрыла свой псевдоним. Кроме Лиджинса, было еще несколько претендентов на славу Джордж Элиот – некий мистер Брассфидж, мистер Квирк, мистер Андерс; со всеми ими приходилось вести довольно упорную борьбу, что чрезвычайно раздражало Джордж Элиот.

После выхода в свет «Адама Бида» Джордж Элиот сразу сделалась одной из самых знаменитых писательниц своего времени, но эта внезапная слава не дала ей особенного счастья. Она пишет в письме к миссис Бодишан: «Я не упоена своим успехом – напротив того, последнее время мне было так тяжело, как давно не было; я больше думала о будущем и о том, что еще предстоит сделать, чем о том, что уже сделано… Я часто вспоминаю о моих прежних мечтах, когда мне было 24—25 лет. Я думала тогда, как много счастья дала бы мне слава! Теперь же слава сама по себе не доставляет мне особенного удовольствия».

Но несмотря на такое философское отношение к славе, Джордж Элиот принимала очень близко к сердцу все печатные отзывы о себе. Это видно уже из того, что газеты и журналы, в которых помещались статьи о ее романах, всегда предварительно проходили через руки Льюиса, и он давал ей читать только самые хвалебные из них, тщательно оберегая от всего, что могло бы ее расстроить. Она заносит в свой дневник все сочувственные письма и отзывы знакомых и сама признается, что придает большое значение тому, что о ней говорят и пишут. «Я признаюсь, что больше чем бы следовало забочусь о мнении публики о моих романах, – пишет она своему издателю, – и постоянно упрекаю себя за эту эгоистическую слабость; но ведь то, что говорится о наших произведениях, затрагивает не нашу личность, а то высшее, что есть в нашей душе и ради чего мы живем».

Ее сравнительно равнодушное отношение к успеху «Адама Бида» объясняется отчасти тем, что ей действительно приходилось переживать тяжелые минуты в это время. Старшая сестра ее, Кристи, которая прервала с ней всякие связи с тех пор как она сошлась с Льюисом, опасно заболела. Узнав об этом, Джордж Элиот решилась написать ей письмо и послала на

лечение часть денег, полученных за «Сцены из жизни духовенства». Между ними возобновилась связь, и умирающая Кристи признала свою вину перед сестрой. Смерть ее была тяжелым ударом для Джордж Элиот: она очень страдала от разрыва с семьей, и смерть сестры, хоть та умерла, примиренная с ней, снова разбередила эту рану. Кроме того, она очень любила сестру, хотя между ними не было никакой близости. Она изобразила ее в лице Люси Дин в «Мельнице на Флоссе» и Сесилии в «Миддлмарче».

Через полтора года после издания «Адама Бида» вышел в свет новый роман Джордж Элиот, «Мельница на Флоссе». В этом романе описываются семья фермера Тюлливера и их родственники, принадлежащие к мелкой провинциальной буржуазии. Буржуазию Джордж Элиот рисует далеко не такими привлекательными красками, как крестьянство; в «Мельнице на Флоссе» автор дает нам яркую картину провинциального общества, всецело поглощенного материальными, хозяйственными заботами, проникнутого лицемерием и ханжеством и безжалостно отворачивающегося от людей, когда их постигает несчастье. Джордж Элиот осталась верна традициям Диккенса и Теккерея и, так же как и они, направила свою сатиру против эгоизма и лицемерия, этих двух главных пороков английского общества.

Но главный интерес «Мельницы на Флоссе» заключается не в мастерском описании провинциальной буржуазии, а в личности героини романа – Мэпи Тюлливер. С самых первых страниц книги маленькая Мэпи приковывает к себе внимание читателя. Это – живая как порох девочка с непокорными, вечно растрепанными волосами, которая постоянно кипятится и о чем-то волнуется. Она любопытна именно той необыкновенной страстностью, с которой воспринимаются ею все внешние впечатления: она безумно любит брата и вся сияет от счастья, когда он с ней ласков и позволяет ей ловить с ним рыбу, и сопровождает его на прогулки. Когда брат однажды рассердился на нее и сказал, что любит кузину Люси гораздо больше, чем ее, маленькая Мэпи пришла в такое отчаяние, что решилась убежать из родительского дома, подальше от брата, и отправилась в цыганский табор, остановившийся неподалеку от их дома.

Во второй части романа Мэпи является уже взрослой девушкой; здесь описываются столкновения этой богато одаренной, страстной натуры с действительной жизнью. Необыкновенно хорошо изображено душевное состояние Мэпи, когда она из школы возвращается в отцовский дом и попадает в мирную мещанскую семью, живущую исключительно

повседневными интересами. Мэпи начинает страшно томиться в этой среде: ей хочется чего-то другого, хочется пожить полной жизнью, хочется испытать настоящее счастье. Разные книги, которые случайно попали в ее руки через одного школьного товарища ее брата, рисуют перед ней новый мир, полный высших духовных наслаждений, и она всем существом своим чувствует, что не может жить так, как жила ее мать, тетки и все окружающие. Ей хочется учиться, хочется знать многое такое, чему не учат обыкновенно женщин, хочется совершать какие-нибудь великие дела, и вместо всего этого она должна жить на уединенной ферме, заниматься курами и коровами, а вместо развлечения ходить в гости к старым теткам! Понятно, что она часто грустит и в душе ее поднимается крайнее недовольство своей судьбой. В таком настроении Мэпи случайно наталкивается на книгу Фомы Кемпийского «Подражание Христу», и все ее душевные волнения и страдания стихают перед величием сурового аскетического идеала, выставляемого в этой книге. Не находя никакого другого выхода, она приходит к убеждению, что все ее стремления и порывы грех и что цель жизни заключается в смирении перед судьбой и в исполнении своего долга. Это убеждение сделалось руководящим началом в ее жизни. После смерти отца она взяла место учительницы в одной начальной школе и стала вести уединенную трудовую жизнь.

Но на пути ее встретилось тяжелое испытание: она была невестой Филиппа Уэккема, того самого молодого человека, который носил ей книги. Это был несчастный, больной человек, любивший ее с детства, для которого эта любовь была единственным светлым лучом в жизни. Мэпи была к нему очень привязана и согласилась стать его женой, потому что знала, как она ему дорога и как он будет несчастлив без нее. Свадьба их откладывалась из-за семейных недоразумений: Филипп был сыном старинного врага Тюлливеров, доведшего их до разорения, и брат Мэпи слышать не хотел о браке ее с человеком, отец которого был причиной несчастья всей их семьи. И вот, уже будучи невестой Филиппа, Мэпи вдруг влюбляется в Стефана Геста, человека, которого любит ее двоюродная сестра и который сам несколько увлекался ею до знакомства с Мэпи. В душе Мэпи происходит страшная борьба между любовью к Стефану и чувством долга по отношению к двоюродной сестре. Обстоятельства складываются так, что Мэпи непременно должна выйти замуж за Стефана, так как она случайно заблудилась вместе с ним и они смогли вернуться домой только на другой день. Эта продолжительная прогулка неизгладимым пятном легла на репутацию молодой девушки и тотчас же сделалась предметом

бесконечных сплетен, какие могут возникать только в маленьком провинциальном городке. Но несмотря на все это Мэпи устояла против всех убеждений страстно влюбленного в нее Стефана и предпочла лучше жить одинокой и заброшенной всеми, чем строить свое счастье на чужом несчастье. Здесь, как и везде в романах Джордж Элиот, долг восторжествовал над страстью.

Роман обрывается на самом захватывающем месте смертью Мэпи. Эта совершенно случайная смерть не удовлетворяет читателя: как бы сложилась дальнейшая жизнь Мэпи и к какому результату привела бы ее жертва – все это остается совершенно невыясненным. Здесь, как во многих других романах Джордж Элиот, смерть является как-то слишком вовремя и распутывает узел, затягиваемый жизнью. По этому поводу Ковалевская приводит в своих воспоминаниях один любопытный разговор со знаменитой писательницей.

Когда Ковалевская заметила эту странную особенность в ее романах, что все трудные положения разрешаются у нее смертью, Джордж Элиот сказала, что она из всех своих наблюдений над жизнью вынесла убеждение, что так оно в действительности и бывает и что смерть всегда приходит вовремя. «Сколько раз доверие к смерти придавало мне мужество жить», – заключила она.

Очень может быть, что в тех случаях, какие приходилось наблюдать Джордж Элиот, смерть действительно являлась такой примиряющей силой, но несомненно, что это только частное наблюдение и что такого общего закона не существует. Поэтому смерть Мэпи оставляет читателя в недоумении и несколько портит общее впечатление от романа.

Ни в одном из произведений Джордж Элиот нет так много автобиографического элемента, как в «Мельнице на Флоссе». В лице Мэпи она описала саму себя со своими девичьими сомнениями и увлечениями. Детство Мэпи, ее страстная любовь к брату, отношение к теткам, даже побег в цыганский табор – все это списано с натуры, а в семье Датсон изображены сестры ее матери. «Мельница на Флоссе» тоже имела очень большой успех. В два месяца она разошлась тиражом в шесть тысяч экземпляров, и вскоре появились переводы ее на французском и немецком языках. Слава писательницы начала проникать в высшие слои общества, сама королева Виктория была большой поклонницей «Мельницы на Флоссе».

Глава IV

Путешествие в Италию. – «Сайлес Морнер». – «Ромола». – «Феликс Гольт»

Кончив «Мельницу на Флоссе», Джордж Элиот с Льюисом отправилась в Италию, где пробыла несколько месяцев. Путешествие в Италию давно уже было ее заветной мечтой. Они побывали в Риме, Неаполе и Флоренции, и Джордж Элиот вся отдалась наслаждению чудной итальянской природой и искусством. Она пишет своему издателю Блэквуду: «Италия находится теперь в сильнейшем возбуждении (это было в 1860 году), но мы проявляем постыдное равнодушие к политике и больше интересуемся деяниями Джотто и Брунелески, чем Кавуром. Впрочем, во время первого путешествия к величайшим центрам искусства мне кажется позволительным некоторое забвение политических вопросов. Зрелище великих произведений далекого прошлого подавляющим образом действует на мою энергию: кажется, будто жизнь слишком коротка, чтобы учиться, и по сравнению с тем, что здесь видишь, мои собственные произведения кажутся мне такими ничтожными, что у меня пропадает всякая решимость когда-либо опять приняться за творчество». Но это настроение продолжалось недолго. Во Флоренции, поразившей ее более всего из виденного в путешествии, у нее уже созрел план нового романа, действие которого должно было происходить в Италии времен Савонаролы. Она упоминает о своем намерении в письме к Блэквуду, но просит его пока хранить это в тайне. Вернувшись в Лондон, она принялась работать над задуманным ею романом из итальянской жизни, но дело у нее подвигалось довольно медленно. В то время как она была преисполнена мыслями о своем итальянском романе, ей совершенно внезапно пришла в голову идея новой повести, навеянная воспоминанием о виденном ею когда-то в детстве старом ткаче, который ходил с мешком на спине. Она оставила на время свой большой роман и принялась писать повесть «Сайлес Морнер, ткач из Равело». «Сайлес Морнер» был написан в четыре месяца и, по-видимому, без всяких усилий со стороны писательницы. Сама она не придавала своей новой повести никакого значения и думала, что книга не произведет особенного впечатления на публику. Впрочем, во время работы Джордж Элиот всегда чувствовала сильнейшее недовольство собой. Так, работая над «Сайлесом Морнером», она пишет г-же Бодишон: «У меня теперь нет никакого горя, кроме моего постоянного внутреннего терзания по поводу того, что я кажусь

себе неспособной написать что-либо хорошее в будущем. Все, что я пишу, кажется мне ничтожным и пошлым в то время, как я работаю над ним; а когда я кончаю вещь и отдаю ее, так что она уже не кажется моей собственной, тогда она мне начинает нравиться, и я считаю ее хорошей. Вот вам история моей жизни».

Но несмотря на то, что Джордж Элиот несколько пренебрежительно относилась к своей новой повести, такое отношение совершенно несправедливо: «Сайлес Морнер» – одна из ее лучших, наиболее законченных вещей. Повесть написана живо и интересно, в ней почти нет ненужных длиннот и отступлений, какими страдают все произведения Джордж Элиот, особенно ее позднейшие романы – «Ромола» и «Миддлмарч».

«Сайлес Морнер» заключает в себе историю одного бедного ткача, принадлежащего к маленькой общине диссидентов, приютившейся в отдаленном квартале большого мануфактурного города. Жестоко обманутый в любви и дружбе, исключенный из среды своих единоверцев, этот одинокий, ожесточившийся человек, потерявший веру в божественную и земную справедливость, весь отдается одной всепоглощающей страсти – страсти к золоту. И вдруг золото, приобретенное им столькими годами упорного труда, исчезает. Его обворовали и лишили единственной вещи, придававшей смысл и цель его жизни. От окончательного ожесточения его спасла маленькая девочка, которую он в холодную осеннюю ночь нашел спящей у порога своей хижины. Он взял к себе брошенного ребенка, и под влиянием этой новой заботы сердце его мало-помалу начало отогреваться, и в нем снова появилось примиряющее чувство любви и участия к людям.

Закончив «Сайлеса Морнера», Джордж Элиот некоторое время не принималась за новую работу. Ее и без того слабое здоровье совсем расстроилось от усиленных занятий, и у нее часто бывали страшные головные боли. Она очень плохо переносила физические страдания, они совершенно лишали ее способности работать.

Громадный успех ее романов несколько смягчил суровое отношение к ней лондонского общества: круг ее знакомых значительно расширился, хотя между ними было все-таки сравнительно немного женщин. Теперь многие искали ее знакомства и приглашали к себе, но Джордж Элиот уклонялась от всяких приглашений: она раз и навсегда заявила, что никуда не выезжает, так как при лондонских расстояниях и при отсутствии собственного экипажа это отняло бы у нее слишком много времени, и поэтому все, кто желают ее видеть, могут приходить к ней, не рассчитывая на возвращение визита с ее стороны.

Несмотря на такое странное условие желающих познакомиться с ней все-таки оказалось очень много, и когда она назначила у себя приемные дни по субботам, то на них обыкновенно собирались многие лучшие представители лондонской интеллигенции и литературы.[3] Трудная обязанность занимать гостей всецело лежала на Льюисе, который был очень любезным и занимательным хозяином дома. Джордж Элиот, по-видимому, тяготилась этими многолюдными собраниями: она не любила большого общества и всегда чувствовала себя в нем неловко. На своих еженедельных собраниях она обыкновенно сидела где-нибудь в уголке и молча слушала, что говорят другие, или же вела с кем-нибудь из посетителей серьезную, задушевную беседу, не заботясь об остальных гостях.

Кроме светских знакомых и почитателей ее таланта у Джордж Элиот было несколько верных и преданных друзей, к которым она была чрезвычайно привязана. Особенно ценила она тех из них, которые не изменили своих отношений к ней в то трудное время, когда она сошлась с Льюисом и когда большинство от нее отвернулось. Она пишет миссис Тейлор в апреле 1861 года: «Мне никогда не было тяжело чувствовать себя отрезанной от общества, и я думаю, что моя благосклонность к человечеству нисколько от этого не уменьшилась. Но все-таки я сохраняю самую глубокую благодарность к тем, которые не боялись выказывать мне свое расположение в такое время, когда всё было против меня. Тех, кто так делал, было очень немного, так что я постоянно и без всякого труда могу вызвать их в своей памяти». В числе этих немногих были мисс Геннель, доктор Конгрэв и его жена (к последней Джордж Элиот чувствовала особенную симпатию, и ее письма к ней полны самых теплых выражений дружбы), миссис Бодишон и некоторые другие.

Чувствуя себя слишком слабой и утомленной, чтобы приняться за большой роман, Джордж Элиот все-таки не вполне бездействовала и до своего вторичного отъезда в Италию написала две небольшие повести: «Поднятая завеса» и «Брат Яков». Повести эти не имеют большого значения, особенно последняя, которую Джордж Элиот даже не хотела печатать и напечатала, только уступив уговорам Льюиса.

В апреле 1861 года Джордж Элиот с Льюисом вторично отправились в Италию, прямо во Флоренцию, – со специальной целью изучить на месте историю и нравы этого города. Задумав написать исторический роман из флорентийской жизни конца XV века, Джордж Элиот с добросовестностью ученого исследователя принялась изучать все, относящееся к этой эпохе. Она ежедневно занималась во флорентийской библиотеке, роясь в старых

рукописях, мемуарах и государственных актах того времени. Итальянский климат несколько укрепил ее расшатавшееся здоровье, и она опять чувствовала себя преисполненной бодрости и энергии. Она пишет оттуда старшему сыну Льюиса, который к тому времени уже кончил курс учения и жил вместе с ними в Лондоне: «Я чувствую глубокую благодарность за все то великое и прекрасное, что мне дано было знать на земле; мне кажется, точно я помолодела, и у меня опять столько планов и надежд, как будто у меня впереди еще много времени для жизни и работы… Утренние часы мы проводим в осматривании старых улиц, зданий и картин или в поисках старых книг по магазинам. Потом я отправляюсь читать в библиотеку».

Льюис почти с таким же рвением, как она сама, относился к ее новому роману и был ее деятельным помощником по части собирания материала: он всюду сопровождал ее, рылся вместе с ней в библиотеке и разыскивал для нее все, что ей было нужно. Вернувшись в Лондон, она засела за работу. Новый ее роман по имени главной героини должен был называться «Ромола». Задуманная тема давалась ей очень трудно.[4]. По дневникам ее за это время видно, каких усилий стоил ей этот роман.

Приведем несколько выдержек из них:

«22 августа. Я пришла в такое отчаяние, тщетно стараясь сосредоточить свои мысли на конструкции романа, что мне пришло в голову разом закончить все и бросить эту идею.

7 октября. Начала первую главу „Ромолы“ 28 октября. Чувствую себя нехорошо. В полном отчаянии по поводу „Ромолы“.

31 октября. Голова все еще не работает. Стараюсь писать, стараюсь обдумывать, – и не выходит.

6 ноября. Я в таком унынии и чувствую такое отчаяние, что, гуляя сегодня в парке с Джорджем, я почти решила бросить свой итальянский роман.

10 ноября. Мне пришли в голову новые соображения по поводу „Ромолы“, и поэтому настроение духа более радостное. Вчера я уже принялась думать о новом романе из английской жизни, но сегодня утром итальянские сцены снова стали передо мной и неотразимо потянули к себе.

8 декабря. У Джорджа болела голова, поэтому мы утром не занимались, а отправились в парк. Я рассказала ему план „Ромолы“, и он пришел в большой восторг. Удастся ли мне когда-нибудь выполнить как следует мои замыслы? Краткие минуты надежды сменяются длинными периодами тупого отчаяния».

Наконец, после двух лет упорного труда, роман был закончен.

Медленность и нерешительность, с какими подвигалась

вперед «Ромола», помимо психологической трудности задачи, объясняется в значительной степени тем, что это был роман исторический и притом из чуждой для писательницы итальянской жизни. Джордж Элиот не вполне справилась с этой трудностью. По своей натуре, по складу ума и характера она была слишком далека от южного темперамента итальянцев. Ей не удалось проникнуться духом того времени, и описательная часть романа, несмотря на чрезмерное, подчас даже утомительное обилие исторических подробностей, все-таки не воспроизводит перед нами живой картины Флоренции конца XV века. В романе слишком много учености и слишком мало жизни. Но если отбросить в сторону историческую часть романа и рассматривать только психологическую драму, происходящую между главными действующими лицами, то нельзя будет не признать «Ромолу» одним из лучших произведений европейской литературы.

Обратимся к содержанию романа.

Ромола – дочь слепого филолога Бардо, занимающегося изучением классической древности. Молодая девушка помогает отцу в его занятиях, но, несмотря на все свои старания, не может вполне удовлетворить его требованиям, и суровый старик часто сердится на нее и вздыхает о настоящем помощнике – мужчине. Этот помощник неожиданно является к нему в лице молодого грека Тито Мелема, случайно заброшенного во Флоренцию кораблекрушением.

Тито делается помощником слепого ученого и влюбляет в себя его красавицу дочь.

У Ромолы не было матери; она росла одна, не зная материнской ласки и детских радостей. Отец, проникнутый идеалами стоической философии, учил тому же и свою дочь, но она не могла вполне проникнуться ими, они не согревали ее сердца. Окруженная сухими, старыми книгами, Ромола жила настоящей затворницей вдвоем с постоянно занятым, суровым стариком отцом.

Появление Тито было как бы «веянием весны в зимней атмосфере ее жизни». Они полюбили друг друга, и Бардо с радостью дал согласие на их брак, так как нареченный зять был очень полезным человеком в его занятиях.

Ромола со всей долго сдерживаемой страстностью молодости отдалась своему новому счастью, но счастье это продолжалось недолго. Тито вскоре начал охладевать к ней, и характер его стал выказываться в его настоящем свете. После смерти старика Бардо он тотчас же нарушает его предсмертный завет и вместо того чтобы отдать его громадную библиотеку городу, как того желал старик, он выгодно продает ее по частям в Париже и Милане.

Нарушение отцовского завета и, главное, корыстолюбие и бесчестность, проявившиеся в этом поступке, и равнодушие, с каким относится к нему сам Тито, глубоко потрясают Ромолу. Ее гордая, возвышенная натура не может перенести такого разочарования в любимом человеке. Она не из тех женщин, которые слепо любят избранного ими, несмотря на все его недостатки и пренебрежение к ним. Ее любовь вполне разумна и сознательна, и, когда она убеждается, что любимый ею человек недостоин ее любви, она сразу перестает его любить. Она решает разойтись с ним и отправляется в Венецию, но по дороге ей встречается Савонарола, и между ними происходит чудная сцена, в которой Савонарола убеждает ожесточенную горем молодую женщину вернуться к мужу. Он говорит ей о всепрощающей христианской любви, о милосердии к грешникам, о долге перед Богом и людьми, и эти простые слова, произносимые с глубоким убеждением и верой, мало-помалу смягчают сердце Ромолы. Они пробуждают в ней то, чего не могла ей дать та книжная мудрость, которая окружала ее с детства – чувство любви к людям и сознание нравственных обязанностей по отношению к ним.

Под влиянием Савонаролы она решает вернуться во Флоренцию и снова жить с мужем, но тут ее ждут еще более тяжелые испытания. Она узнает прошлое своего мужа, узнает, что он построил все свое положение в свете на гибели своего воспитателя, что он – предатель и жестокий, неспособный к раскаянию человек. Ужасное время переживает Ромола, когда открывается, что Тито предал правительству ее единственного друга Бернардо дель Неро, приговоренного к смертной казни. В отчаянии бросается она к Савонароле и умоляет его спасти ее друга. Савонарола отказывает ей, и она убеждается, что и этот человек, казавшийся ей таким святым и великим, может поступать как ловкий политик, не решающийся идти вразрез с большинством ради спасения жизни одного человека. «Высшая цель жизни, облагораживающая страдания и озаряющая своим светом все мелочи нашей печальной жизни, опять погасла в ее сердце, где воцарилось чувство глубокого презрения к ничтожеству всех человеческих деяний и стремлений. Что такое в сущности был человек, представлявшийся для нее олицетворением высшего героизма – героизма сознательной, самоотверженной любви?» Не будучи в силах перенести такое разочарование во всем, что ей было свято и дорого, Ромола снова уходит из Флоренции и идет сама не зная куда, надеясь где-нибудь найти смерть, но не решаясь прямо на самоубийство. По дороге она случайно заходит в деревню, где свирепствует чума. Страшное зрелище человеческих страданий снова пробуждает в

ней умолкнувшую было любовь к людям. Она принимается ухаживать за больными и в этой деятельности находит себе успокоение и примирение с жизнью. Она начинает разбирать свое прошлое, свои отношения к Тито и видит, что тоже была не права перед ним, что, будь она мягче и терпеливее, будь у нее больше той любви, о которой говорил ей Савонарола и которую она теперь чувствует в себе, ей, может быть, удалось бы сделать из Тито другого человека. Она возвращается во Флоренцию, чтобы постараться спасти Тито, но уже поздно: Тито убит. Тогда Ромола разыскивает его незаконнорожденных детей и посвящает им свою жизнь. Возвеличение христианской идеи о любви к ближнему – вот в чем заключается внутренняя сущность «Ромолы», и замечательно, что это произведение, всецело проникнутое духом христианства, было написано человеком неверующим, уже в молодости отрешившимся от догматической религии.

«Ромола» была напечатана в «Cornhill Magazine», и Джордж Элиот получила за нее гонорар в семь тысяч фунтов стерлингов. Это дало ей возможность осуществить свою давнишнюю мечту – купить загородный дом, где бы она могла жить и работать вдали от лондонского шума. Переезд в новый дом на время нарушил обычное течение ее жизни, наполненной исключительно умственными занятиями, и характерно, что эта необходимость заниматься разными практическими хозяйственными делами просто выводила ее из себя. В письмах ее, относящихся к этому времени, постоянно встречаются жалобы на то, что приходится тратить жизнь на мелочи и думать о таких пустяках, как старые ковры, лампы, гардины и прочее. «Наконец-то мы начинаем устраиваться, и наш хозяйственный кризис проходит, – пишет она миссис Конгрэв. – Пока мы не начинали переезжать, я была погружена в Конта, в Эврипида и в первые века христианства. Теперь же я сижу в неубранном доме среди ящиков с посудой и различной мебели и должна думать о том, куда все это расставить… Я просто не дождусь минуты, когда опять вернусь в свой прежний мир, полный заботы о лицах, не имеющих ничего общего с мебелью…»

В новом доме жизнь их потекла по-прежнему, то есть в непрерывных занятиях и чтении. Джордж Элиот читала Конта, изучала испанский язык, историю Испании и в течение следующих двух лет написала драму из испанской жизни «Испанская цыганка» и несколько мелких поэм. Эти драматические и стихотворные опыты Джордж Элиот не имеют особенного значения и стоят несравненно ниже ее романов. Отношения ее с Льюисом по-прежнему были самые хорошие и близкие. Она пишет в своем дневнике 1 января 1865 года (через

11 лет после их сближения): «Друг с другом мы счастливее, чем когда-либо. Я бесконечно благодарна Джорджу за его любовь, которая поддерживает меня во всем хорошем и удерживает от дурного. В нем заключается мое главное счастье».

С 1865 года в ее дневниках, куда она обыкновенно заносит все читаемые ею книги, начинают попадаться указания на книги из новой области, которой она до тех пор очень мало интересовалась – из области политической экономии и социальных наук. До сих пор Джордж Элиот читала по преимуществу книги по общим вопросам философии, истории и литературы; теперь же она принялась за такие книги, как «Политическая экономия» Милля, «Из жизни радикала» Бамфорда, «Положение рабочего класса» Фаусетта, «Социальная наука» Конта. Все это чтение служило ей подготовкой к новому задуманному ею роману – «Феликс Гольт, радикал». Джордж Элиот писала его под постоянным гнетом головных болей и общей физической слабости; может быть, этим отчасти объясняется то, что этот роман вообще слабее других ее романов. Он очень растянут, и к нему, неизвестно ради чего, приплетена запутанная и неинтересная история перехода наследства из одной линии в другую.

Главный интерес романа сосредоточивается на личности самого Феликса Гольта, радикала. Он вышел из народа, и, хотя ему удалось получить высшее образование, он отказывается от представлявшейся ему карьеры, возвращается в деревню и делается простым часовщиком. Ему кажется, что приносить настоящую пользу народу можно только живя среди этого народа и составляя лично часть трудовой массы. Поэтому он решил навсегда остаться верным своему ремеслу часовщика, и, когда любимая им девушка делается обладательницей большого состояния, он убеждает ее отказаться от наследства, находя, что богатство несовместимо с его принципами и что истинный радикал должен быть беден. Феликс Гольт – самый симпатичный из всех мужских характеров Джордж Элиот и наиболее жизненный из них. Он встает перед нами во весь рост, со всеми его достоинствами и недостатками. Своим пренебрежительным отношением к общепринятым обычаям и к собственной внешности, своими резкими манерами и отрицанием искусства он несколько напоминает наших нигилистов прежнего типа. Он очень односторонен и прямолинеен, но в то же время в нем столько молодой энергии, столько добродушия и искреннего желания блага людям, что ему невольно прощаешь все его резкости, даже отрицание Байрона.

Радикализм его, впрочем, довольно безобидного свойства: он

не мечтает ни о каких переворотах, а хочет только принести посильную пользу рабочему классу, из которого он сам вышел, и заботится, главным образом, о распространении знаний среди рабочих.

Феликс влюбляется в воспитанницу местного пастора, Эдиту Лайон —хорошенькую, но пустую и тщеславную девушку, не признающую никаких серьезных интересов и выше всего на свете ценящую изящество и внешнюю красоту. Понятно, что при первой встрече она была шокирована внешностью Феликса и его резкими манерами, его же возмущала ее чопорность и пустота. Но мало-помалу они сближаются, и под влиянием Феликса молодая девушка совершенно преображается и проникается его радикальными идеями. Увлечение идеями идет, разумеется, рука об руку с увлечением их проповедником, и в конце концов изящная барышня делается женой простого часовщика и из любви к нему отказывается от неожиданно выпавшего на ее долю громадного наследства.

История любви Феликса и Эдиты составляет лучшую часть романа. Все остальное очень растянуто и местами просто скучно, чего нельзя сказать про первые романы Джордж Элиот.

Глава V

«Миддлмарч» и «Даниэль Деронда». – Смерть Льюиса.

Джордж Элиот находилась теперь на вершине своей литературной славы. Романы ее расходились в громадном количестве экземпляров и переводились на иностранные языки; каждое ее новое произведение составляло целое событие в литературном мире, о нем говорили и писали во всех газетах и журналах. Джордж Элиот отовсюду получала самые восторженные письма по поводу своих сочинений; самые выдающиеся английские писатели и ученые искали ее знакомства. Но все это нисколько не повлияло на нее, и, сделавшись знаменитой писательницей, она осталась такой же застенчивой, скромной и задумчивой, молчаливой женщиной, какой была 15 лет тому назад. Она сохранила все свои старые привязанности и с такой же благодарностью, как раньше, относилась ко всякому, самому ничтожному, выражению симпатии к себе. Ее прежнее болезненное недоверие к своим силам не покидает ее и теперь, несмотря на то что она достигла столь многого. Она постоянно сомневается в том, что ее вещи имеют действительно какое-нибудь значение. Если бы Джордж Элиот вообще не отличалась такой глубокой правдивостью, можно было бы положительно заподозрить ее в неискренности, читая, например, следующее письмо, написанное вскоре после появления в свет одного из ее романов («Даниэль Деронда»), имевшего почти небывалый в английской литературе успех. Она пишет Фредерику Гарриссону: «Я Вам ужасно благодарна за Ваше письмо. Оно много содействовало тому, чтобы вывести меня из чрезвычайно подавленного состояния духа, в которое меня повергало сознание моей полной бесполезности. Вы не можете себе представить, до чего меня угнетает сомнение в том, имею ли я вообще право высказывать людям свои взгляды; это сомнение всегда страшно парализует мою энергию». Вот какие мысли наполняли душу Джордж Элиот в то время, как имя ее гремело по всей Англии и она единогласно признавалась всеми одной из величайших писательниц нашего времени.

Мы уже говорили, что слава сама по себе не дала ей особенного счастья и удовлетворения. Напротив, ее чрезвычайно утомляла ее обширная корреспонденция и контакты с массой чужих людей, являвшихся к ней, чтобы выразить ей свои восторги по поводу ее произведений. Она любила уединение, и это было одной из причин ее частых путешествий вместе с Льюисом. Они иногда уезжали на три-четыре недели, просто чтобы освежиться и

отдохнуть от лондонского шума.

Достигнув славы, Джордж Элиот с таким же рвением, как в молодости, продолжала заниматься своим образованием. Она свободно читала почти на всех европейских языках, и чтение древних классиков в оригинале было одним из ее любимейших наслаждений. В дневниках ее постоянно встречаются указания на чтение Гомера, Эсхила, Аристофана, Платона и Аристотеля. Она чувствовала также сильный интерес к естественным наукам и много читала по этой отрасли знания. Из современных философов она особенно ревностно изучала Конта и Спенсера. Замечательно, что ее неутомимая жажда знания и любовь к умственным занятиям нисколько не ослабевала с годами. Пожилая сорокасемилетняя женщина пишет мисс Геннель такое письмо: «Нет, я не чувствую, чтобы мои способности начали притупляться. Напротив, я теперь более чем когда-либо в жизни способна наслаждаться всем на свете, и в особенности всякого рода умственными занятиями. Наука, история, поэзия – я не знаю, которая из них более привлекает меня к себе, а между тем осталось так мало времени для изучения их! Я только в прошлом году выучилась испанскому языку, и для меня со всех сторон открылись новые перспективы. Это заставляет меня с грустью думать о том, сколько времени у меня потрачено даром в дни моей молодости, и как бы я была счастлива теперь, если бы могла вернуть это время! Я, кажется, могла бы наслаждаться всем, всякой отраслью знания, начиная с арифметики и кончая археологией, если бы впереди у меня было еще много лет жизни. Но мне осталось прожить немного… Я стараюсь покориться этому, но искреннее, непритворное смирение дается нелегко».

В начале 1869 года Джордж Элиот принялась за новый роман из провинциальной жизни, «Миддлмарч». Первоначально этот роман должен был быть только картиной провинциальных нравов; затем Джордж Элиот задумала ввести в него новое лицо, молодого врача Лейдгэта, который мечтает двигать вперед науку и произвести разные реформы в постановке медицинского дела, но в конце концов гибнет в борьбе с рутиной и непониманием, господствующими в окружающей среде. Она принялась за чтение разных медицинских книг, и это изучение медицины шло рука об руку с работой. Но дело плохо подвигалось вперед, и она на время оставила его. В конце 1870 года она пишет в своем дневнике, что начала писать новую повесть, «Мисс Брук», и прибавляет, что сюжет этой повести давно уже пришел ей в голову, и она почти в самом начале своей литературной карьеры уже думала о нем, но другие сюжеты постоянно вытесняли его из ее души. Когда уже довольно значительная часть «Мисс Брук»

была написана, она решила ввести эту повесть в ранее задуманный ею роман из провинциальной жизни, и результатом этого соединения стал такой бесконечно длинный роман, как «Миддлмарч».

Зная, каким образом писался «Миддлмарч», нам становятся понятными его главные недостатки: он страшно растянут, и в нем нет никакого единства действия. Это, собственно, не один, а целых три романа, не имеющих никакой органической связи друг с другом: история Доротеи, история Лейдгэта и история Бюльстрода, каждая из которых могла бы составить достаточный материал для отдельного романа, а вместе они только мешают друг другу и утомляют читателя.

Самая интересная часть романа – это, несомненно, история Доротеи Брук. Доротея является одной из лучших (если не самой лучшей) из всех созданных Джордж Элиот женских фигур. Это восторженная молодая девушка, которая горит желанием сделать что-нибудь хорошее, посвятить свою жизнь какому-нибудь великому делу и совершенно не знает, каким образом осуществить свои стремления. Получив воспитание в обыкновенном пансионе для девиц, она совершенно необразованна и сама не может найти себе никакого выхода, а кругом нее все люди, не задающиеся никакими высокими целями, живущие исключительно личными интересами и совершенно не понимающие ее порывов и стремлений. В то время как Доротея раздумывает над мучительным вопросом «что делать?», на миддлмарчском горизонте появляется новое лицо – пожилой ректор Кэзобон, занимающийся учеными исследованиями и посвятивший всю свою жизнь работе над сочинением «Ключ ко всем мифологиям». Знакомство с ним было настоящим откровением для Доротеи. Наконец-то она встретила человека, стоящего выше житейских мелочей и занимающегося таким высоким делом, как наука! Ей казалось, что Кэзобон должен все знать, все понимать, на все может дать ответ и что он не говорит о высоких вещах только потому, что считает всех окружающих недостойными этого. Приобрести его доверие, быть ему поддержкой и помогать ему в его трудах, в которых он несомненно откроет миру великие новые истины, – это представляется ей величайшим счастьем, и она с радостью принимает его предложение стать его женой. В своем ослеплении она не замечает, что некрасивый старый ученый, казавшийся ей воплощением возвышенной мудрости, – просто сухой и ограниченный педант, не интересующийся ничем, кроме своей мифологии, и совершенно неспособный удовлетворить ее нравственным запросам.

Кэзобон нарисован с такой удивительной меткостью, что в Англии имя его сделалось нарицательным. Он благосклонно принимает восторженное поклонение молодой девушки своей особе, но в то же время ни на минуту не теряет сознания своего бесконечного превосходства над ней. Когда она начинает высказывать ему какие-нибудь свое задушевные мысли, он в ответ на это читает ей лекцию о том, какие секты в древности высказывали подобные же мысли. Когда Доротея передает ему свои планы о постройке образцовых жилищ для фермеров, он начинает ей рассказывать, какие жилища были у древних египтян. Но Доротею все это не смущает, не смущает ее также и общее негодование, возбуждаемое ее браком во всех окружающих, которые понять не могут, что за охота такой красивой и привлекательной молодой девушке, как Доротея, выходить замуж за такого смешного старого сморчка, как Кэзобон. Ей кажется, что она одна способна оценить величие души Кэзобона и что совместная жизнь с ним откроет ей целый новый мир, полный самых возвышенных интересов. Но вот она выходит за него замуж и к ужасу своему убеждается, что все ее мечты о новом мире и о деятельности были совершенно напрасны. Мистер Кэзобон обучил ее греческой азбуке и произношению для того, чтобы она могла читать ему вслух и делать для него выписки, не понимая ни одного слова из того, что она пишет и читает. Более основательное и осмысленное изучение греческого языка или какой-либо другой отрасли знания он считал для нее бесполезным. Итак, вся ее новая деятельность заключалась только в механическом чтении и списывании. Сам мистер Кэзобон при ближайшем знакомстве оказался совсем не тем, каким она себе его представляла. Несмотря на всю свою ученость он так же мало понимал Доротею, как и ее миддлмарчские родственники, и жизнь ее с ним была так же одинока, так же лишена всякого серьезного содержания, как и ее девическая жизнь. Взаимные отношения Доротеи и Кэзобона, постепенное разочарование молодой женщины в своем муже и ее увлечение молодым художником Владиславом – все это изображено Джордж Элиот с необыкновенной художественностью и правдивостью, и ради этих страниц ей можно простить даже затянутость «Миддлмарча».

Второй муж Доротеи, Виль Владислав, – даровитый молодой человек, который бросается из стороны в сторону, берется и за искусство, и за журналистику, и в конце концов делается политическим деятелем и депутатом в парламенте; Джордж Элиот, очевидно, описывала Льюиса, когда создавала этот тип, но надо думать, что Льюис в действительности был гораздо глубже и симпатичнее, чем он вышел в описании своей жены, которая,

впрочем, и не хотела давать его портрет в Виле, а только воспользовалась некоторыми чертами его характера.

Второе замужество Доротеи так же мало удовлетворяет читателя, как внезапная смерть Мэпи в «Мельнице на Флоссе». Невольно спрашиваешь себя: неужели это и есть исход всех ее порывов и стремлений, неужели такая женщина, как Доротея, удовлетворится тем, что будет любящей женой и матерью? Вообще, все героини Джордж Элиот кончают тем, что обзаводятся семейством и успокаиваются на этом. Во многих своих романах она выводит тип девушки-идеалистки, стремящейся к чему-то высшему, мечтающей о том, чтобы жить для других и делать какое-нибудь полезное дело. Таковы Мэпи в «Мельнице на Флоссе», Доротея и Ромола. Но все они в конце концов ограничивают свою деятельность узким кругом семьи. Даже Дина в «Адаме Биде», сделавшись женой Адама, отказывается от проповеди. В жизни Джордж Элиот тоже не была особенно горячей поборницей женского вопроса. Она, конечно, стояла за то, чтобы женщины наравне с мужчинами имели возможность получать высшее образование, и, когда в Кембридже открылась женская коллегия, Джордж Элиот тотчас же послала туда довольно крупное пожертвование от имени автора «Ромолы». Ей казалось, что для того, чтобы изменить свое положение в обществе, женщины первым делом должны выучиться работать и перестать быть во всем дилетантками. Но, горячо ратуя за право женщин на высшее образование, она в то же время не особенно сочувствовала так называемой «женской эмансипации» и считала, что семья есть главное дело женщины. Характерно, что, хотя сама она всю свою жизнь прожила в незаконном сожительстве с Льюисом, она всегда стояла за нерасторжимость брака, и мы видим, что ни одна из героинь ее романов не решается разойтись с мужем, как бы тяжело ей ни жилось с ним. Ромола, Доротея, Гвендолина в «Даниэле Деронде» – все они несут свой крест до тех пор, пока смерть не приходит им на помощь и не избавляет их от ненавистных супругов.

Большая часть «Миддлмарча» была написана в уединенной маленькой деревеньке Таттерлис в Гэмпшире, куда Джордж Элиот отправилась, чтобы отдохнуть и укрепить свои нервы. Она прожила несколько месяцев вместе с Льюисом, не видя никого из знакомых и наслаждаясь тишиной и мирной деревенской природой. Это удаление на лоно природы принесло ей такую пользу и так укрепило ее здоровье, что, вернувшись в Лондон, она решила купить себе маленькое поместье, чтобы иметь возможность проводить там часть года вдали от Лондона. Чем старше она становилась, тем ей делалось труднее предпринимать

небольшие поездки за границу, какие они раньше так часто делали с Льюисом, а потребность в отдыхе и перемене обстановки была еще сильнее, чем прежде. Поэтому они купили себе деревенский дом в местечке Витлей в Сюррее.

Джордж Элиот была очень довольна своим новым домом. Она пишет оттуда миссис Конгрэв: «Моя новая резиденция мне ужасно нравится. Представьте себе меня сидящей с моим писанием на коленях и теплой бутылкой в ногах[5] у открытого окна, откуда прелестный вид на цветник и на дальние зеленеющие холмы. В этом положении я провожу все утро. Мы обедаем в два часа, а в четыре, когда приносят чай, я начинаю читать вслух. В шесть часов мы идем гулять в поле и наслаждаемся зрелищем необъятного неба и широкого горизонта, расстилающегося вокруг нас со всех сторон. В восемь часов мы обыкновенно уже возвращаемся домой и наполняем наши вечера химией, физикой и другими премудростями; иногда же мы предаемся легкомыслию и читаем Альфреда Мюссе или что-нибудь в этом роде…

…Многие знакомые удивляются, как мы можем так долго жить в полном уединении, но дело в том, что мы никогда не бываем *одни,* хотя и не видим никого из людей».

Следующий роман Джордж Элиот, «Даниэль Деронда», появился четыре года спустя после «Миддлмарча», в 1875 году. За эти четыре года в жизни Джордж Элиот, как и всегда, не было никаких событий: она жила, окруженная любовью своей семьи и друзей, получая со всех сторон доказательства своей возрастающей популярности. Единственное, что отравляло ее существование, это было болезненное состояние, сделавшееся почти хроническим, усиленные умственные занятия разрушительно действовали на ее организм, и в письмах ее, особенно за последние годы, постоянно встречаются жалобы на физические страдания, повергающие ее в ужаснейшее состояние духа, на то, что адская головная боль совершенно уничтожает удовольствия, доставляемые славой, и так далее. Удивительно, как она еще могла работать и писать при таком состоянии здоровья. При написании «Деронды» у нее было очень много подготовительной работы. Решив затронуть в своем романе еврейский вопрос, она основательно изучила историю еврейства, его современное положение в различных европейских государствах и познакомилась даже с Талмудом. Еврейскому языку она выучилась еще в молодости, переводя Штрауса, и довольно свободно владела им.

«Даниэль Деронда» заключает в себе два романа: центром первого является молодая англичанка Гвендолина Горлет, центром второго – Мордохей, фанатический еврей, мечтающий о

восстановлении Иудеи. С внешней стороны эти две части почти независимы одна от другой, но между ними существует глубокая внутренняя связь. Джордж Элиот противопоставила друг другу гордую английскую аристократию и загнанное, бесприютное еврейство; этим сопоставлением она хотела показать, как далеки так называемые «христианские» нации от осуществления христианского идеала и как ничто не дает им права во имя Христа теснить и презирать евреев. Вековая несправедливость по отношению к целой нации не могла не возмущать такого гуманного и высокоразвитого человека, как Джордж Элиот, и последний свой роман, после которого она уже ничего больше не писала, она посвятила защите евреев.

Героиня романа – Гвендолина Горлет – одна из самых удачных фигур, изображенных Джордж Элиот. Она совершенно непохожа на прочих героинь ее романов и не принадлежит к числу любящих, кротких, готовых на всякое самопожертвование женских натур, каковы Дина, Мэпи и Доротея. Напротив, по натуре, и особенно вследствие полученного ею воспитания, она эгоистка, тщеславная, пустая девушка, привыкшая быть предметом всеобщего поклонения и никогда не думающая ни о чем, кроме своих удобств и удовольствий. И вместе с тем в ней есть какая-то сила, какое-то обаяние, делавшее ее неотразимо привлекательной. Читая историю ее жизни, начавшейся так весело и радостно и превратившейся потом в такую печальную драму, понимаешь, почему мать и сестры боготворили ее, несмотря на все огорчения, которые она им причиняла, почему все окружающие невольно подчинялись ей. Но нашелся один человек, который ей не подчинился, и этот человек был ее муж. Тип Грэндкорта чрезвычайно удался Джордж Элиот: это холодный, сухой человек с непреклонной волей, для которого все в жизни уже утратило свою прелесть, для которого единственное удовольствие заключается в сознании своей силы и могущества над людьми. Благодаря его громадному богатству и положению в свете это удовольствие дается ему часто. Он страшный эгоист, но не по легкомыслию и непониманию, как Гвендолина, а эгоист сознательный, который презирает людей и считает себя в полном праве делать только то, что ему нравится, не заботясь ни о чем другом. Он женится на Гвендолине потому, что она очень красива и своеобразна; заставить такую девушку признать его власть, сломить ее волю кажется ему очень интересным экспериментом. Гвендолина выходит замуж почти с такими же мыслями относительно его. История их совместной жизни, постепенное подчинение Гвендолины своему мужу, ее все увеличивающаяся ненависть к нему, доводящая ее до мыслей об убийстве, ее

отношение к Деронде – все это описано с удивительным мастерством и читается с захватывающим интересом.

Но как ни привлекательна Гвендолина и как ни интересна ее судьба, главная суть романа заключается не в ней, а в истории самого Даниэля Деронды. Деронда воспитывался в семье одного богатого английского лорда и сам находился в неведении относительно своего происхождения. Случайная встреча с молодой девушкой-еврейкой, которую он удерживает от самоубийства, сближает его с еврейской средой. В числе его новых знакомых находится один чахоточный старик, который поражает его своими страдальческими, странно-блестящими глазами. Он сразу догадывается, что это человек не от мира сего и что у него какая-то своя заветная мечта, составляющая содержание его жизни. Когда они сближаются, Мордохей поверяет ему эту свою заветную мечту – мечту о восстановлении иудейского царства. Этой мечте он посвятил всю свою жизнь, и, чувствуя, что приближается смерть, он больше всего мучился тем, что ему некому передать своих заветных мыслей, что нет около него молодого, сильного человека, который сделает то, чего ему не удалось сделать, и который приступит к осуществлению его мечты. Но незадолго перед смертью он встречается с Дерондой и избирает его в свои ученики. Его горячие, восторженные слова про еврейство и его будущность западают в душу молодого человека. Фанатическая вера Мордохея воодушевляет его, и когда он наконец узнает тайну своего происхождения, узнает, что он – тоже еврей, которого по просьбе матери воспитывали как христианина, чтобы спасти его от тяжелой и унизительной участи его собратьев, то это известие не только не огорчает его, а, напротив того, доставляет ему большое счастье. Он отказывается от всех преимуществ, которые имеет благодаря своему положению в доме богатого лорда, порывает всякие сношения со своими великосветскими знакомыми, заявив им, что он еврей, и всецело отдается делу своего народа. В конце романа мы видим Деронду уезжающим на Восток, чтобы на месте изучить положение евреев в Палестине.

Сам Деронда – наиболее неудачная фигура во всем романе. Он нарисован очень бледно и слишком уж безупречен и добродетелен, так что производит впечатление какого-то манекена.

Тип Мордохея, очевидно, был навеян рассказами Льюиса про одного старого часовщика-еврея, которого он знал в молодости и который первый возбудил в нем интерес к философии, познакомив его с сочинениями Спинозы. Клуб, подобный тому, какой описан в «Деронде», действительно когда-то существовал, и

Льюис, будучи совсем еще молодым человеком, часто посещал его. Все это послужило канвой для романа.

Ни один из романов Джордж Элиот не имел такого громадного сенсационного успеха и не возбудил столько разноречивых толков, как «Даниэль Деронда». Евреи со всех концов Европы откликнулись на это горячее защитительное слово, сказанное в их пользу великой писательницей. Все еврейские газеты поместили подробный отчет об этом романе. Первый раввин в Лондоне, Герман Адлер, прочел еврейским рабочим лекцию о «Даниэле Деронде». Джордж Элиот была буквально завалена перепиской по поводу своего последнего романа. Среди евреев эта книга возбудила единодушный восторг, но многим она и не нравилась, именно из-за ее отношения к евреям. Эта часть романа подвергалась горячим осуждениям, и многие недоумевали, каким образом Джордж Элиот могла выбрать такой сюжет.

Сама она заранее предвидела подобное отношение к своему роману. Она пишет Бичер-Стоу: «Что касается еврейского элемента в „Деронде“, то я с самого начала, еще когда писала его, предвидела, что он встретит много порицания и враждебного отношения. Но именно потому, что отношение христиан к евреям так бессмысленно и так противоречит духу нашей религии, я чувствовала потребность написать о евреях… Может ли быть что-нибудь возмутительнее, чем когда так называемые развитые люди занимаются глупыми шутками о едении свинины и выказывают полное незнание той связи, которая существует между всей нашей цивилизацией и историей того народа, над которым они изощряют свое остроумие».

«Даниэль Деронда» был последним романом Джордж Элиот; после него она написала только полуфилософское, полупублицистическое произведение под заглавием «Теофраст Сёч», которое ничего не прибавило к литературной славе своего автора.

Через два года после появления в свет «Деронды» Джордж Элиот постигло тяжелое несчастие: ей пришлось похоронить Льюиса, которого она так сильно любила и с которым была так счастлива в течение их двадцатичетырехлетней супружеской жизни. Льюис уже давно был болен, но его неутомимая деятельность и живой темперамент не покидали его до последней минуты. Второй муж Джордж Элиот, мистер Кросс, рассказывает, что незадолго до смерти Льюис с большим чувством, хотя и без особенного голоса, пел арию из «Севильского цирюльника» под аккомпанемент Джордж Элиот, и обоим это доставляло необыкновенное удовольствие.

Смерть Льюиса глубоко огорчила Джордж Элиот. В течение нескольких месяцев она не в состоянии была никого видеть, кроме старшего сына Льюиса, не писала никаких писем и была совершенно подавлена горем. Как только она несколько оправилась, то тотчас же принялась разбирать оставшиеся после него рукописи и начала хлопотать об учреждении стипендии имени Льюиса, которая должна была выдаваться выпускникам-естественникам, чтобы облегчить им дальнейшие занятия наукой.

Глава VI

Второй брак Джордж Элиот. – Ее смерть

Второй брак Джордж Элиот является какой-то загадкой. Трудно представить себе, чтобы женщина в 60 лет, прожив 24 года с человеком, который ее сильно любил и которого она, судя по ее постоянным уверениям, тоже любила, могла через год после его смерти выйти замуж за человека на 30 лет моложе себя! Такой поступок кажется совершенно несовместимым с характером Джордж Элиот и набрасывает какую-то тень на всю ее личность. Но если хорошенько вдуматься в этот факт, то увидим, что никакого противоречия с основными чертами характера великой писательницы тут нет и что этот второй брак, хотя он и лишает ее известного нравственного ореола, все-таки не заключает в себе ничего унизительного для ее женского достоинства.

Обладая чисто мужским складом ума, Джордж Элиот по натуре была необыкновенно женственна и всегда нуждалась в сильной поддержке мужчин. В раннем детстве такой поддержкой для нее был брат, позднее отец и мистер Брэй. В Лондоне она была очень дружна со Спенсером и наконец сошлась с Льюисом, который был для нее и отцом, и братом, и мужем. В течение их двадцатичетырехлетней совместной жизни Льюис окружал ее самой нежной любовью и самыми заботливыми попечениями. Он всячески оберегал ее от столкновений с практической жизнью, от разных материальных забот, заведовал изданием ее сочинений и вел всю ее деловую корреспонденцию. После его смерти Джордж Элиот осталась совершенно одинока и беспомощна: она так привыкла к любви и к заботе о себе, к тому, чтобы иметь кого-нибудь, на кого можно опереться, что просто не могла жить без этого, и поэтому решилась опять выйти замуж. Следующий отрывок из ее письма к старшему сыну Льюиса может служить лучшим объяснением ее второго брака: «После замужества я опять сделалась такою, какой была раньше. Я чувствовала, что начинаю черстветь, и, если бы не решилась на этот шаг, я сделалась бы сухой эгоисткой. Мне необходимо постоянно иметь подле себя какое-нибудь существо, которое я могла бы любить и быть ему благодарной за это».

Конечно, потребность иметь рядом с собой близкого человека была не единственной причиной вторичного брака Джордж Элиот: тут играла роль и личность мистера Кросса, к которому она давно уже была искренне привязана и который тронул ее своей горячей преданной любовью.

Мистер Кросс познакомился с Джордж Элиот

двадцатилетним юношей и с первой же встречи влюбился в эту уже немолодую, некрасивую женщину и в течение целых десяти лет оставался верным своей любви. Он часто бывал у них в доме и после смерти Льюиса был одним из первых, кого Джордж Элиот стала принимать, несколько оправившись от своей потери. Сближение их началось с совместного изучения Данте. Мистер Кросс мало был знаком с итальянским языком, и Джордж Элиот взялась учить его. Кроме Данте, они читали вместе Чосера, Шекспира и Водсворта. Когда прошел год после смерти Льюиса, мистер Кросс начал убеждать любимую женщину сделаться его женой. Джордж Элиот долго колебалась; она сознавала, что в ее годы выходить замуж за совсем еще молодого человека по меньшей мере неблагоразумно; но, должно быть, страх одиночества, а может быть, и любовь к мистеру Кроссу были слишком велики, и 6 мая 1880 года она обвенчалась с ним. На свадьбе не присутствовал никто, кроме семьи жениха и сына Льюиса. Джордж Элиот, очевидно, боялась, что ее друзья и знакомые будут осуждать ее за этот странный брак, и поэтому заранее никого не предупреждала о нем и тотчас после венчания уехала с мужем за границу. Характерно, что брат ее, порвавший с ней всякие сношения вследствие ее сближения с Льюисом, впервые после двадцатипятилетнего молчания написал ей теперь письмо, в котором поздравлял ее с законным браком.

Со своим вторым мужем Джордж Элиот вела приблизительно такую же жизнь, как и с первым, с той только разницей, что творческие силы уже покинули ее, и она больше не писала. Они целые дни читали вместе, и оба, одинаково наслаждаясь этими занятиями, были очень счастливы. Ковалевская рассказывает в своих воспоминаниях, что, когда ей сообщили о втором браке Джордж Элиот, это так поразило ее, что она, будучи опять в Лондоне, решила не идти к ней: ей не хотелось портить того чудного впечатления, которое произвела на нее Джордж Элиот при первом знакомстве. Но потом она все-таки не выдержала, пошла к ней и тут убедилась, что Джордж Элиот осталась все тою же и что ее новый брак нисколько не изменил ее. «Они оба как будто совершенно не сознавали неестественности своего положения и казались просто хорошими товарищами», – пишет Ковалевская.

Джордж Элиот недолго прожила со своим вторым мужем. Она умерла 22 декабря 1881 года, через полтора года после своей свадьбы. Она не боялась смерти и давно уже готовилась к ней. В ее письмах за последние 10 лет часто упоминается о близости смерти и о том, что мысль эта не возбуждает в ней никаких горьких чувств. Романистка писала еще в 1874 году миссис Смит:

«Я рада тому, что чем старше я становлюсь, тем яснее мне представляется близость и неизбежность смерти». При всей своей любви к жизни она сумела каким-то образом примириться с мыслью о роковом конце.

Говоря о смерти Джордж Элиот, нельзя не вспомнить уже приведенного выше ее разговора с Ковалевской, когда она говорила, что доверие к смерти часто придавало ей мужество жить. И смерть действительно оправдала ее доверие: она пришла как раз вовремя, прежде чем Джордж Элиот успела раскаяться в своем шаге, и унесла ее в могилу в самом расцвете ее позднего счастья.

Джордж Элиот похоронили рядом с Льюисом.

Глава VII

Миросозерцание Джордж Элиот и ее жизненная философия.

Чувство любви к людям является основой всего миросозерцания Джордж Элиот; эта любовь была для нее не отвлеченной нравственной доктриной, она вошла в ее плоть и кровь, и, несмотря на различные перемены в ее теоретических взглядах, знаменитая романистка считала любовь и сострадание к людям главной сущностью жизни.

Мы видели, что в ранней молодости Джордж Элиот была чрезвычайно религиозна. Затем, когда этот первый период ее развития прошел, она увлеклась Спинозой и в его системе искала разрешения всех мучивших ее вопросов. Наконец, в зрелом возрасте она была большой поклонницей Конта. Таким образом, в истории ее умственной жизни в общих чертах действительно наблюдается указанная Контом последовательность теологического, метафизического и позитивного фазисов развития.

Но в сущности Джордж Элиот никогда не была ни вполне убежденной последовательницей Спинозы, ни настоящей позитивисткой. Величавый пантеизм Спинозы, подчиняющий все в мире неумолимому закону причинности и не оставляющий никакого простора для человеческой любви и деятельности, не удовлетворял ее. Она была слишком женщина, чтобы примириться с этой строгой, холодной философией, и еще в Ковентри, то есть в самый разгар своего увлечения Спинозой, ей казалось, что основой нравственности должно быть чувство *симпатии,* любви к людям. Позднее знаменитая романистка пишет в одном письме, что, по ее мнению, главный недостаток системы Спинозы заключается в том, что он рассматривает мир независимо от отношения к нему человека как сознательного и чувствующего существа. «Когда мы здоровы духом и телом, мы должны любить и ненавидеть, – любить то, что полезно людям, ненавидеть то, что им вредно», – пишет она далее в том же письме.

Увлечение Спинозой сменилось увлечением Контом, на изучение которого ее натолкнул Льюис, сам много занимавшийся позитивизмом и написавший даже целую книгу по этому вопросу. Знакомство с философией Конта было целым событием в жизни Джордж Элиот. Она много раз упоминает в своей переписке, что ни одна книга не имела такого сильного влияния на ее умственное и нравственное развитие, как «Курс положительной

философии» Конта. В ней она нашла научное обоснование многих своих заветных мыслей, которые тут были приведены в стройную систему. «Религия человечества» сделалась и ее религией, хотя она совершенно не сочувствовала утопическим мечтам Конта о будущей организации общества.

Но в натуре самой Джордж Элиот было так много здорового нравственного чувства, что она совершенно не нуждалась ни в каких теоретических обоснованиях его. Ее взгляд на нравственность лучше всего высказан в ее критическом очерке о поэме Юнга «Ночные мысли», написанном в 1857 году. Она говорит там: «Человек должен быть честен и справедлив не потому, что он рассчитывает продолжать жить в другом мире, а потому, что он на себе испытал тягостные последствия нечестности и несправедливости и имеет сочувствие к другим людям, которым было бы так же тяжело, если бы он по отношению к ним был бесчестен и несправедлив… Нам больно смотреть на страдания другого человека, и эта боль делается еще острее от сознания, что человек смертен, что жизнь его так коротка, и мы бы хотели наполнить ее радостью, а не горем. Чувство сострадания к людям не находится в прямой зависимости от веры в будущую жизнь; напротив того, может быть, у многих людей сознание того, что жизнь так коротка и что с нею все кончается, скорее может породить нравственное воодушевление, чем идея о бесконечном существовании».

Сама Джордж Элиот определяла свое миросозерцание словом «мелиоризм». Она верила в будущий прогресс человечества, верила в то, что накопление знаний поведет за собой и нравственное совершенствование и что с течением времени общая сумма страданий человечества будет все уменьшаться.

Утилитарно-нравственное миросозерцание Джордж Элиот отразилось и в ее взглядах на задачи искусства. Искусство, по ее мнению, должно служить усилению в людях чувства симпатии; оно должно пробуждать добрые чувства, «призывать милость к падшим».

Она пишет миссис Брэй в 1859 году: «Что касается действия моих сочинений на читателей, то я желала бы только одного – чтобы те, кто их читает, яснее могли бы себе представить и прочувствовать страдания и радости других людей».

Уже из этих слов видно, что Джордж Элиот по существу своему писательница тенденциозная. У нее нет определенных политических или социальных тенденций, но через все ее романы красной нитью проходит одна великая идея – идея любви к человечеству. Как все английские романисты, она в своих произведениях является не только художником, но и моралистом.

Но этическая тенденция нисколько не вредила художественности ее произведений: она вытекала из глубины ее души и была органически связана с ее творчеством. Джордж Элиот не навязывает нам своих идей; они являются естественным и необходимым выводом из чудных, полных художественности и правды изображений жизни в ее романах.

Но каким же образом пробуждать в читателе добрые чувства? Одним из лучших средств для этого является художественное изображение лиц, наделенных такими чувствами, и Джордж Элиот постоянно прибегает к этому средству. Никто из новейших писателей не умеет так рисовать хороших людей, как она. Это не сентиментальные, напыщенные герои немецких романов, которые могут только вселить в душу читателя отвращение к добродетели; это и не хорошие, но «лишние» люди, изображаемые русской литературой, отличающейся вообще скудостью положительных типов. Положительные типы Джордж Элиот вовсе не какие-нибудь образцы героических добродетелей; они не совершают никаких особенных подвигов, а живут той обыденной, повседневной жизнью, какою живет громадное большинство человечества, и стараются по мере сил и возможностей облагородить эту жизнь для себя и облегчить ее для других.

Плотник Адам Бид, часовщик Феликс Гольт, лесничий Горт, врач Лейдгэт, пастор Ирвайн – все это живые люди, которые стоят перед нами во весь рост и возбуждают нашу симпатию своим здоровым отношением к жизни и к людям, своей неподкупною честностью и каким-то внутренним благородством, которое сквозит во всех их словах и поступках. Все ее герои – люди труда, любящие свое дело и вкладывающие в него свою душу. Им беспрестанно приходится бороться, отстаивать свои взгляды, преодолевать всевозможные препятствия; некоторые из них гибнут в непосильной борьбе (например Лейдгэт в «Миддлмарче»), но все-таки жизнь их до последней минуты наполнена деятельностью.

Характерно, что в громадной галерее типов, изображенных Джордж Элиот, нет ни одного пессимистически настроенного героя, неудовлетворенного жизнью и людьми. Единственный, кто несколько приближается к подобному типу, – это Грэндкорт в «Даниэле Деронде», но его пессимизм слишком уж низкой пробы, и сам автор относится к нему с такой явной враждебностью, какой не замечается в его отношении к какому-либо другому созданию его фантазии. Герои современных французских романов с их величественным презрением к жизни, считающие, что они имеют право пребывать в полной праздности и делать всевозможные мерзости на том основании, что душа их не

бессмертна и что они не могут объять необъятного, были совершенно немыслимы в произведениях Джордж Элиот; или если бы она стала изображать подобные типы, то, конечно, отнеслась бы к ним совсем не так, как французские писатели, и уж, во всяком случае, не поставила бы их на пьедестал. Все ее герои полны бодрости, силы и энергии; они любят жизнь, как любила ее и Джордж Элиот, считавшая, что жизнь сама по себе есть величайшее благо, несмотря на все страдания и муки, которые она влечет за собой. В своей ненависти к пессимизму Джордж Элиот доходила даже до такой односторонности и крайности, что совершенно не признавала Байрона и находила его героев «отвратительными».

В каждой самой ничтожной и даже непривлекательной личности Джордж Элиот умела отыскивать светлые черты и заинтересовывать читателя ее серой будничной жизнью. Эта характерная черта в творчестве Джордж Элиот особенно рельефно выступила в изображении Кэзобона в «Миддлмарче». Педанты обыкновенно изображаются в литературе почти исключительно в комическом виде. Джордж Элиот посмотрела на дело с другой стороны и так описала страдания Кэзобона от той душевной пустоты, которую он в себе чувствует после жизни, посвященной исключительно сухому буквоедству, с такой силой изобразила его душевное состояние, когда он начинает сознавать бесполезность труда всей его жизни, что смешной, безобразный, старый мистер Кэзобон делается почти трагической фигурой и возбуждает уже не смех, а глубокое сострадание. И такое же впечатление оставляют в конце концов все комические и отрицательные типы Джордж Элиот.

Джордж Элиот является исключением в среде женщин-писательниц в том отношении, что она умеет рисовать мужчин. Но, несмотря на все разнообразие и жизненную правду ее мужских типов, женщины все-таки удаются ей лучше. Женские фигуры ее также чрезвычайно разнообразны. Она с одинаковым искусством изображает такие противоположные типы, как энергичная, бойкая, работящая фермерша миссис Пойзер, и слабая, несчастная, плаксивая миссис Тюлливер; такую бездушную, ограниченную эгоистку, как Розамунда (жена Лейдгэта в «Мидцлмарче»), и такую женщину, как Доротея, которая вся полна любви к людям и стремлений к самопожертвованию. С особенной любовью относится она к последнего рода женщинам. Во всей европейской литературе мало найдется таких удивительно привлекательных женских фигур, как Доротея.

Как и все английские романы, произведения Джордж Элиот

проникнуты глубоким уважением к семье, и в них всегда отводится большое место картинам мирной семейной жизни. Джордж Элиот необыкновенно хорошо умеет рисовать любовь мужа к жене, отца к детям, сестры к брату, но зато страсть почти совершенно отсутствует в ее романах, и это является одним из их больших недостатков. Любовь Адама и Дины, Доротеи и Виля, Миры и Деронды, Мэри и Фреда (в «Миддлмарче») совершенно лишена страстного оттенка. Это спокойная, прочная любовь, основанная на долгом знакомстве друг с другом и могущая служить прекрасным фундаментом для будущей семейной жизни. Такая любовь возвышает человека, делает его лучше и чище, но в ней мало огня и увлечения. Когда же Джордж Элиот рисует нам действительно сильную, страстную любовь, она заставляет ее склониться перед долгом. Такова любовь Мэпи к Стефану Гесту в «Мельнице на Флоссе», окончившаяся добровольным разрывом во имя долга. Только самая ничтожная из всех героинь Джордж Элиот, Гетти Сорель, оказалась не в силах противостоять страсти, и мы видели, к каким трагическим последствиям это ее привело.

Считая задачей литературы возбуждать в читателе чувство симпатии к людям, Джордж Элиот естественно должна была остановиться на изображении жизни низших классов народа, и в этом заключается одна из самых существенных ее заслуг. Эта великая писательница сделала по отношению к крестьянству то же, что сделал Диккенс по отношению к буржуазии и Теккерей – по отношению к аристократии. Лучшие, наиболее законченные в художественном отношении произведения ее взяты из народной жизни, и кто захочет познакомиться с жизнью английской деревни, тот не найдет для этого лучшего литературного материала, чем сочинения Джордж Элиот.

* * *

Главными источниками для составления биографии Джордж Элиот послужили выдержки из ее дневников и переписки, изданные в 4-х томах ее мужем, мистером Кроссом (J. W.Cross. George Eliot's life, as related in her letters and journals. 1885), и книга Конрада (Hermann Conrad. George Eliot. Ihr Leben und Schaffen. 1887). Кроме того, мы пользовались биографией Джордж Элиот, написанной мисс Блинд и входящей в состав издаваемой профессором Ингрэмом серии жизнеописаний знаменитых женщин (Eminent women Series. George Eliot by Mathilde Blind), и несколькими статьями в английских и русскоязычных журналах, например статьей Ковалевской «Воспоминания о Джордж Элиот»,

помещенной в «Русской мысли» за 1886 год, и статьей мисс Симкопс в «Nineteenth Century» за 1885 год.

notes

Примечания

1

С. Ковалевская «Воспоминания о Джордж Элиот» («Русская мысль» 1886, июнь).

2

Эта столь дикая для наших нравов сцена – борьба между плотником и офицером – в Англии казалась всем совершенно простой и естественной.

3

У нее бывали такие люди, как Диккенс, Спенсер, Гексли, Булвер, Теннисон, Тургенев и др.

4

Она говорила впоследствии своему второму мужу: «Я начала „Ромолу“ еще молодой женщиной, а закончила ее старухой».

5

Джордж Элиот всегда писала таким образом.